

Джил Лэндис

Прекрасная мечта

1995

Лэндис Д. М.

Прекрасная мечта / Д. М. Лэндис — 1995

Эва Эберхарт ищет способ изменить свою жизнь, жизнь танцовщицы из дешевого салуна и оказывается в «Конце пути». Грубый ранчер Чейз Кэссиди не считает, что Эва подходит на должность домоправительницы и кухарки для толпы ковбоев. Но он все же не отказывается дать ей шанс. Над самим Чейзом тяготеет его темное прошлое. Может быть, вместе они смогут отыскать в своих сердцах место для нежной всепрощающей любви.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	24
ГЛАВА 4	35
ГЛАВА 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джил Мэри Лэндис

Прекрасная мечта (Сокровище любви)

ГЛАВА 1

Шайенн, Вайоминг, 1884 г.

Господи, до чего мне опротивело это место!

Эванджелин Эберхарт стояла за кулисами у лесенки, ведущей на сцену салуна и танцевального зала под названием «Дворец Венеры», глядя на старателей, картежников и выпивох-завсегдатаев, толпившихся внизу, в зале. Большинство из них уже лыка не вязали и чуть не валились на столики, расставленные так, чтобы не загромождать проходы.

Она едва могла слышать слабое брнчание пианино и банджо, доносившееся из угла. Ни звон монет, падающих на стойки, ни чирканье ножек стульев по деревянному полу, ни бряцанье шпор на ковбойских сапогах не доставляли ей особого беспокойства. Как уже давно не раздражали ни дым, ни галдеж.

Но вот к чему она никак не могла привыкнуть, да и не собиралась, так это к тому, что мужики постоянно так и норовили приударить за ней.

После того как Эва отплясала во «Дворце» около шести месяцев, она поняла, что дошла до предела и не выдержит здесь больше ни единого дня.

Едва только она вышла в зал, как к ней тут же пристал лысый и почти беззубый старатель. Нелсон Брюер едва держался на ногах и тщетно пытался сфокусировать взгляд налитых кровью глазок на ее груди.

– И думать об этом забудь, старый хрыч. Не сегодня, – прошипела Эва сквозь зубы. Она гнала от себя мысль о том, что бы она стала делать, если бы он всерьез начал ее помогать. Он придвинулся ближе.

– Слушай, Эви, ну будь хоть чуточку поласковой. – От него так несло перегаром, что поднеси спичку, – и воздух вспыхнет.

– Убери от меня свои грязные лапы, Нелсон, пока я не вколотила твои яйца тебе в плотку. – Конечно, он был старым, конечно, он был пьян вдребезги. Но Эва просто не могла сдержаться и изо всех сил отпихнула его. Он отлетел к одному из пустых карточных столиков в глубине. Ни капельки не протрезвев, рухнул, как подкошенный, у одного из стульев, предназначенных для картежников, и незамедлительно заснул.

Кипя от злости, Эва оцупала свой малиновый лиф, из которого выглядывала ее округлая грудь. Она резким движением одернула его. Окинув себя взглядом и убедившись, что ее прелести в полном порядке и прикрыты должным образом, Эва нырнула в клубы сигарного дыма.

– Задай им жару, Эви! – завопил один из постоянных посетителей.

Не удостоив его ответом, Эва пересекла комнату и остановилась, сотрясаясь от бессильной ярости, у одного из окон с цветными стеклами, украшавшего фасад здания.

Чтобы хоть немного успокоиться, она позволила себе минутную передышку и стояла, разглядывая снующих туда-сюда горожан. Их очертания за цветным стеклом как бы подернулись туманом. Был субботний вечер, когда фермеры и владельцы ранчо со всей округи появлялись в городе, чтобы навестить знакомых, сделать необходимые покупки и весело провести время. «Дворец Венеры» уже битком набит, но до наступления сумерек посетителей станет еще больше. Ковбои спешили в город, чтобы повеселиться в выходной, принять ванну и провести субботу в компании бутылки и женщины.

– Эва, что-нибудь не так?

Этот голос звучал по-настоящему заботливо. Она подняла глаза. Ее кузен, Джон Хаттон, стоял рядом с ней. Эва улыбнулась и потянулась к нему, чтобы поправить его галстук.

– Я больше этого не вынесу.

Она смотрела в его выразительные глаза, в которых светилось сочувствие. Эта нежность совершенно не вязалась с его внешним обликом. Размером он был, чуть ли не с быка, а свирепостью превосходил это животное.

Он бросил взгляд через плечо, а потом повернулся так, чтобы видеть длинную стойку бара, находившуюся в глубине комнаты. Как вышибале и так называемому начальнику охраны этого заведения ему не пристало вот так вот стоять и точить лясы с танцовщицей, повернувшись спиной ко всему происходящему, даже если эта конкретная танцовщица приходится ему кузиной.

– Ты перетерпишь, Эва. Тебе же всегда это удавалось. Они ведь ничего плохого не имеют в виду. Она рукой пригладила непокорную гриву волос цвета меди.

– Я совершенно серьезно. Если меня еще кто-нибудь хоть пальцем тронет, то горько об этом пожалеет. – Было совершенно очевидно, что ее угрозу он всерьез не принял.

– Эта толпа горит желанием затеять драку. Я нутром чую. Подумай хорошенько, Эва, прежде чем дать им какой-то повод. Если что-то произойдет, Куинси наверняка заставит тебя расплачиваться за все.

Она подумала, что ей придется принять меры предосторожности, чтобы ни во что не ввязаться, если она хочет начать новую жизнь, где бы то ни было. Куинси Поуэлл, картежник, мошенник и владелец «Дворца», непременно отнимет у нее даже ту малость, которую она имеет, если вобьет себе в голову, что она что-то должна ему.

Звон бьющегося стекла привлек их внимание, и Джон немедленно отправился разбираться с парочкой, которая уже начала бить стаканы.

– Если меня еще какая-нибудь сволочь хоть пальцем тронет, я за себя не отвечаю, – пробормотала она вполголоса, наблюдая, как легко он расчищает себе путь сквозь толпу. Высокий и широкоплечий, одетый весьма изящно в белую крахмальную сорочку и полосатые суконные брюки, он выглядел чистюлей, что давало ложное представление о его уникальной способности вовремя оказываться в центре любой потасовки. Джон Хаттон справлялся со своими служебными обязанностями шутя и играя.

Она любила его, как родного брата, но прекрасно знала, что, как только накопит достаточно денег, чтобы осуществить свой замысел, их дорожки разойдутся. Это только вопрос времени. Она и так слишком уж задержалась во «Дворце» только потому, что не хотела подводить Джона.

Какое-то движение прямо за окном привлекло ее внимание, она подошла ближе и приникла к стеклу. Сквозь прозрачный осколок, являющийся фрагментом витража, она увидела молодого мужчину, подгоняющего упряжку мулов к коновязи салуна. Внезапно он сдвинул на затылок свою широкополую шляпу и улыбнулся девушке, примостившейся на высоком сидении повозки, а потом помог ей спуститься вниз.

Как завороженная, следила Эва за этой парой, жадно наблюдая за тем, как бережно молодой фермер опустил девушку на землю. Тонкое золотое колечко на пальце левой руки девушки поблескивало в лучах солнца. Рука Эвы, на которой не было такого украшения, сжалась в кулак. А потом безвольно повисла.

Не в силах оторваться, она продолжала пожирать взглядом эту пару, разглядывая каждую деталь их одежды и поведения. Одетая в скромное ситцевое платье, с накинутой на плечи шалью ручной работы, юная жена с обожанием заглядывала в глаза своего мужа. А он, возвратив ей такой же, полный любви, взгляд, осторожно подвел ее к тротуару и подставил локоть, после чего они не спеша пошли по улице.

Эви охватила тоска. Чувства, которые она испытала, настолько потрясли ее, что у нее даже запульсировало в висках. Эту пару, которая находилась от нее на расстоянии нескольких футов, отделяло не просто стеклянное окно. Они жили в совершенно ином мире, в мире хороших манер, благопристойности, церковных проповедей и гудения пчел на пасеках, фруктовых садилов и вечерних посиделок у жаркой печки в уютных кухоньках. Она закусил губу и повернулась лицом к залу, едва не задохнувшись в дымной пелене, от которой сразу защипало в глазах. Ну, разве она не заслуживает, чтобы и к ней относились с таким же почтением, как к той девушке за окном?

Звук пианино окреп и стал слышен даже в самых отдаленных уголках зала. Она узнала мелодию. Это была одна из музыкальных заставок, которую использовал Сэм Роббинс, когда открывал вечернее шоу. У нее осталось три минуты для того, чтобы вернуться за кулисы и подготовиться к выходу.

Она оглядела себя с ног до головы, чтобы убедиться, что розовая блузка и трико прикрыты сверху вызывающей и легкомысленной малиновой курточкой. Она сделала глубокий вдох, решив пройти через зал обратно за кулисы, по возможности избегая быть на виду и стараясь сосредоточиться только на предстоящем танце. Может, ей удастся избавиться от навязчивых воспоминаний о трогательной сцене, которую она наблюдала за окном.

Пианино и банджо грянули «Мы снова вернемся домой, Кэтлин», но печальная мелодия едва ли могла настроить разбушевавшуюся субботнюю публику на мирный лад. Эва уже почти добралась до лестницы, ведущей за кулисы, как перед ней возник молодой старатель с румянцем во всю щеку.

– Слушай, Эви. Ты получишь мешочек золотых слитков, если согласишься провести со мной время наверху.

– Ты прекрасно знаешь, что я ни с кем не развлекаюсь наверху, Джеми. Дай пройти. – Ей казалось, что она убедила этого рыжего юнца оставить ее в покое, но он, наоборот, придвинулся к ней еще ближе.

– Но, Эви, – заканючил он. – Ну, всего на часочек.

– Соглашайся, Эви, – подхватил один из приятелей Джеми. – А я удвою награду, если ты обслужишь нас обоих.

Чувствуя, что вот-вот взорвется, Эва поискала взглядом Джона. Их разделяла примерно половина комнаты. Он держал руку на плече какого-то ковбоя и сейчас был занят тем, что не слишком вежливо препровождал посетителя к выходу. Значит, помощи ей ждать неоткуда.

– Вы прекрасно знаете, что в мои обязанности входит только танцевать, джентльмены.

Джеми окинул ее взглядом.

– Да я голову дам на отсечение, что ты привечаешь Куинси Поуэлла, разве не так? Еще бы, ведь у него такие тонкие шелковые сорочки и высокие воротнички. Он так важничает и задирает нос перед нами, работягами.

Теперь Джеми встал и находился в опасной близости от нее. Она опомниться не успела, как он грубо схватил ее и прижал к себе. Она с отвращением почувствовала его восставшую плоть под линиялыми шерстяными штанами.

Ну, все, с нее довольно.

– Это охладит твой пыл, – прошипела она, когда ее пальцы нащупали и крепко стиснули горлышко бутылки с виски, стоявшей на столике позади нее.

Она замахнулась и опустила свое оружие, с удовольствием отметив, что попала Джеми О. Генри по голове и по плечу. Он отпустил ее, отступил на шаг и повалился на человека, стоявшего позади него.

Она отбросила бутылку, отряхнула ладони и повернулась, чтобы идти восвояси.

– Эй, девка, как ты смеешь так обращаться с моим другом! – Старатель, стоявший возле распростертого тела Джеми, бросился к ней.

Ковбой с соседнего столика вскочил на ноги и накинулся на ее обидчика. Тут же позабыв про Эву, двое мужчин, сцепившись, рухнули прямо на стол, который немедленно опрокинулся и разлетелся на части.

И тут, как по мановению волшебной палочки, в комнате вспыхнула грандиозная потасовка. В сторону боковой стойки бара полетел стул. Она увидела, как оба бармена разом, как по команде, пригнулись. Огромное зеркало за их спинами разбилось вдребезги.

Ее кузен, оказавшийся в самой гуще событий, в центре зала, широко ухмылялся, обнажив ослепительно белые зубы, резко контрастировавшие с пышными каштановыми усами. Больше всего на свете он обожал усмирять пьяные дебоши. Джон вцепился в двоих, ближайших к нему забияк, приподнял обоих за шиворот и стукнул лбами.

Эва бросилась прочь, благодаря Бога за то, что о ней все позабыли, увлеченные дракой. Она начала подниматься вверх по лестнице, предвкушая, как сообщит Куинси Поуэллу, что ее терпение лопнуло и что она уезжает, прежде чем он узнает, что именно она стала причиной заварушки, которая неминуемо приведет к разгрому его милого заведения и ударит его по карману. Все, что ей остается сделать, это собрать кое-какие пожитки, попросить у Джона денег взаймы и сматывать удочки.

На верхней площадке она помедлила немного, не исключая, что столкнется с Куинси, который покинул свой кабинет, чтобы выяснить, что там за тарарам внизу. Она прошла по верхней галерее, длинному узкому балкону, который с одной стороны нависал над открытым нижним помещением. Путь проходил мимо множества дверей. А двери эти вели в комнаты, где некоторые танцовщицы оказывали определенного рода услуги владельцам этого кабака. Совершенно очевидно, что тем, кто находился за этими запертыми дверями, было абсолютно наплевать на то, что творится там, внизу, в баре.

Она постояла немного перед входом в кабинет Куинси, постучала, но потом решила, что он может и не услышать стука из-за гама, доносившегося снизу, который с каждой минутой становился все громче. Эва подергала ручку и, обнаружив, что дверь не заперта, повернула ее и вошла. Брезентовые шторы были опущены, комнату окутывал зеленоватый полумрак. Но тут все же было достаточно светло, чтобы разглядеть, что Куинси Поуэлл склонился вовсе не над своими бухгалтерскими книгами, а над новенькой огненно-рыжей танцовщицей из Эбилена, которая возлежала как раз на этих книгах, прихватив оставшееся свободное пространство на столе.

Если бы он уже не разбил сердце Эвы, пустив в ход все свои змеиные чары, чтобы воспользоваться ее неопытностью и совратить, эта сцена могла бы причинить ей боль, но Куинси не заслуживал даже капли сожаления. Каким облегчением было узнать, что ее сердце закалилось и окаменело, и что теперь ей нет до Куинси никакого дела. Она, как и все остальные, была хорошо знакома с маленькими шалостями хозяина. Эва бросила последний взгляд на смазливую блондина, который однажды поклялся ей в вечной любви, и с удовольствием отметила, что рыжая, похоже, еще не оперившийся птенчик и верит всем его рассказам.

Продолжая держаться за дверную ручку, она крикнула:

– Не трудитесь вставать. Я удаляюсь. – И захлопнула за собой дверь.

Эва зашагала по галерее по направлению к собственной комнате, стуча каблуками высоких ботиночек по грубому дощатому полу. Она нащупала ключик, висевший у нее на груди, и отперла дверь, а потом быстро закрыла ее за собой. По грохоту ломающейся мебели и звону бьющейся посуды, сопровождаемым воплями и ревом, она поняла, что какое-то время всем будет не до нее.

Она поспешила к грубо сколоченному комоду и начала рыться в нем. В глубине самого нижнего ящика, спрятанная под ворохом нижнего белья, расшитого кружевами и ленточками, лежала жестяная коробочка в форме сердечка. Она сняла крышку и вытащила несколько свер-

нутых в трубочку купюр. Внутри денежной трубочки было спрятано уже пожелтевшее объявление, вырезанное из местной газетенки.

Быстро развернув его, она пробежала глазами лаконичные строки.

«Требуется экономка. Опыт работы не обязателен. Спрашивать ранчо «Конец пути», недалеко от Последнего Шанса, Монтана». Объявление почти недельной давности. Эва могла только молиться про себя, чтобы это место еще не было занято, потому что работа нужна ей позарез. Она рассчитывала написать письмо-предупреждение после того, как соберется и купит билет на поезд. Но теперь придется отправиться туда лично.

Денег было не густо. Если Куинси поймает ее до того, как она успеет смыться, он наверняка потребует возмещения ущерба, и все вернется на круги своя. Поэтому ей нужно успеть собрать вещи и найти Джона до того, как начнутся поиски виноватого.

Уперев руки в боки, Эва оглядывала комнату, быстро прикидывая, что нужно взять с собой, а что придется оставить. Вся мебель принадлежала Куинси. И вообще, она здесь ни на что не могла претендовать – уж во всяком случае, не на широкое цветастое покрывало и не на лампу под абажуром с бахромой, стоявшую на прикроватном столике с витыми ножками. Куинси, как пить дать, организует погоню, если обнаружит, что что-нибудь пропало.

Стены были оклеены разного рода афишами, сообщавшими о ее участии в театральных постановках, в которых она появлялась из года в год. Некоторые зазывали на водевили, в которых она выступала, будучи еще ребенком. «Аладдин, или Удивительный плут!» был любимым и сохранил о себе самые теплые воспоминания, настолько ей нравилась роль проказника-Аладдина. Обшарпанный сундук с ее костюмами стоял рядом с бюро, одновременно служившим умывальником. Она решила оставить и афиши и сундук. Если понадобится, Джон перешлет ей все это.

Дверь шкафа отворилась с протестующим скрипом. Эва заглянула туда и поняла, что у нее почти нет более-менее приличной одежды. Действительно, ничего подходящего, за исключением двух стареньких платьиц пастельных тонов, одно из которых в розовую полосочку, а другое, довольно помятое, серое дорожное платье, которое здесь выглядело как воробышек среди павлинов. Это платье она купила три года тому назад в Канзас-Сити, когда еще выступала в театральной труппе своих родителей. Она достала это платье, собираясь переодеться в него, но обнаружила, что подол и одно плечо изъедены молью. Вот уж это совсем некстати, особенно в ее теперешнем плачевном положении. Эва взглянула на жестянку с деньгами, и у нее вырвался стон.

Полная решимости найти выход из создавшейся ситуации, она поспешила к шкафу и вытащила из него алый лиф, украшенный разноцветными перьями. Одна из танцовщиц чуть не на коленях умоляла продать его ей, но до настоящего момента Эва все не соглашалась. Она пробежала ладонью по прохладному атласу и дунула на перышки, оживив их на мгновение. За эту вещичку можно выручить по меньшей мере долларов восемь, а отныне такой вызывающий наряд ей будет абсолютно ни к чему. Решено. Она бросила его на постель.

Встав на колени, Эва полезла под кровать за своим чемоданом. Она вытащила его на свет Божий, улыбнувшись ему, как старому доброму другу. Этот чемодан, как и сундук, исколесил большую часть Америки в то время, когда она кочевала из театра в театр. Она взгромоздила чемодан на кровать, открыла его и начала запихивать туда комплекты нижнего белья всех цветов радуги. За этим последовали платья. Затолкав туда последние вещи, она вдруг поняла, что дикие звуки, доносившиеся снизу, уже стихли. Времени у нее оставалось не так уж много.

Накинув на себя красный шелковый халат, едва прикрывавший ноги, и затянув пояс на талии, она услышала стук в дверь. Впрочем, она была к этому готова.

– Кто там? – Не дай бог, Куинси. Впрочем, он может торчать здесь, сколько влезет, и барабанить в дверь хоть до второго пришествия. Открывать ему у нее особой охоты не было.

– Это Джон, – раздался приглушенный голос. – Открой, Эва.

Она пересекла комнату и отперла дверь, отступив в сторону, чтобы впустить его. Остановившись на пороге, он уставился на ворохи одежды и на открытый чемодан, красовавшийся на постели. Она втащила кузена в комнату, чтобы закрыть дверь и запереть замок.

– Где Куинси? – решительно осведомилась она.

– Внизу. Его постиг удар, когда он подсчитал убытки.

– Ах, бедняжка. И что же, он убит наповал?

– Я бы сказал, ему понадобится время, чтобы прийти в себя... А что здесь происходит? –

Он кивнул в сторону вещей и чемодана.

– А ты как думаешь? Просто я смываю удочки, Джон. С меня довольно.

– Но куда ты поедешь? И на что ты будешь жить? – Он был растерян, потом на его лице появилось выражение обиды. – Ты – вся семья, все, что у меня есть.

– Ничего подобного. Ты можешь вернуться к моим родителям и присоединиться к их труппе.

Он передернул плечами.

– Но мы же с тобой строили планы, как организуем собственный театр, станем независимыми...

Ей очень не хотелось огорчить его, но нужно смотреть правде в глаза.

– Я действительно думала, что хочу именно этого, Джон. Собственный театр – это, конечно, замечательно, однако со временем я пришла к выводу, что при заработках, которые нам достаются в заведениях вроде этого, это неосуществимо. Кроме того, я окончательно поняла – такая жизнь не для меня.

– Но чем ты собираешься заняться?

– Я заслуживаю большего, чем быть просто куском плоти. Я хочу чего-то добиться в жизни, я хочу, чтобы ко мне относились не как к пустышке, которая не имеет права на какие-то чувства. Я буду искать работу... приличную работу.

Бедняга Джон растерялся еще больше.

– Ты оставляешь шоу-бизнес?

Она кивнула, ожидая, что он как-то приободрит ее. Но вместо этого его лицо выразило сомнение.

– Я просто представить тебя не могу за каким-то другим занятием. Это ведь у тебя в крови.

Это у тебя в крови. Сколько раз она слышала то же самое из уст своих родителей. Эва потрянула головой, пытаясь отогнать охватившее ее щемящее чувство тоски. Она подошла к окну, которое выходило на Мейн-стрит, и, глянув вниз, заметила повозку и знакомую недавно прибывшую супружескую пару.

– Верно, это у меня в крови. Но теперь у меня такое чувство, что тяга к лицедейству – это зараза, поражающая кровь, как малярия. Это волей-неволей приходится признать, – сказала она, возвращаясь к кровати. Она смела с нее ворох кружевных вещичек и села, поджав под себя одну ногу. – Мне никогда не стать великой актрисой, вроде Агнес Бут или Кейт Клакстон.

Мечты о том, чтобы блистать на подмостках самых известных нью-йоркских театров в самых шумевших постановках, как ее кумиры, развеялись, как дым, когда она стала настолько взрослой, чтобы начать читать рецензии на спектакли с ее участием.

– И потом, я уже слишком стара. Боже, мне уже двадцать три. По-моему, самое время повзрослеть, не так ли? Я не собираюсь всю жизнь заниматься этим.

– Когда мы уехали, твои родители столько раз упрашивали тебя вернуться назад, – напомнил Джон.

– И снова стать одной из Изумительных, Великолепных Эберхартов? – Она смахнула слезинку с ресниц и опустила голову. – Я просто не могу, Джон, – прошептала она, и ее голос

предательски дрогнул. – Хоть мама и папа так хотят этого, я не могу. Я хочу большего, чем постоянно переезжать с места на место и жить впроголодь.

Она повернулась так, чтобы он не мог видеть слез, которые непроизвольно наворачивались у нее на глаза.

– Мне хочется определенности, хочется иметь собственный домик, в котором бы резвились дети и собаки, и чтобы у меня были шуршащие скатерти и беленький заборчик вокруг сада.

Джон бросил взгляд на дверь, как будто ждал, что в нее с минуты на минуту ввалится хозяин.

– Но Куинси...

Она встала и откинула со лба волосы. Пальцем она зацепила волнистые огненные пряди, ниспадающие ей на плечи, и поморщилась.

– Куинси – это ерунда. И не смей больше упоминать при мне это имя.

Вспоминая о том, как ее лишил невинности этот лживый грязный ублюдок, она всякий раз заливалась румянцем стыда. К счастью, этой ее единственной любовной интрижке быстро пришел конец.

Джон, который не обратил никакого внимания на ее смятенное состояние, продолжал:

– Там, внизу, – дым коромыслом, поэтому мы закроемся на ближайшие часа два, по крайней мере. Куинси вопит о том, что вычтет стоимость попорченного имущества из твоего жалованья, Эва. И если ты сейчас удерешь, он будет в ярости.

Сознание того, что потасовка внизу помешала Куинси полностью насладиться его кабинетным свиданием, доставило ей немало удовольствия и даже вызвало легкую улыбку.

– Передай ему, что я скорее сгорю в аду, чем дам ему хоть цент.

Он оглядел комнату.

– А что будет с Честером?

Эва встала. Полы халатика взметнулись вокруг ее бедер. Она взглянула на покарябанный, с облупившейся краской, саркофаг с мумией, притулившийся в углу рядом с гардеробом. Это было настоящее произведение искусства, раскрашенное в малиновый, королевский голубой и ярко-желтый цвета с золотой отделкой. Саркофаг с мумией был очень древней реликвией, которую родители унаследовали от ее прапрадедушки. Мать Эвы, суеверная донельзя, постоянно твердила ей, что прапрадедушка считал эту вещь счастливым талисманом их семьи. Мать просто-таки заставила Эву и Джона взять мумию с собой, когда они решили начать самостоятельную жизнь.

Никто не знал, был ли Честер настоящей египетской мумией и был ли вообще останками человека, обмотанного тряпками и помещенного в старинную гробницу. Но одно ясно, что при жизни Честер был карликом, потому что саркофаг был всего три с половиной фута высотой.

– Я не могу взять его с собой сейчас, – решила Эва, пожав плечами. – Я оставлю его тебе на хранение вместе с моим сундуком.

Она посмотрела на Джона, который в задумчивости заложил пальцы за ремень. Перед его рубашки был перепачкан чьей-то кровью, на правом плече красовалась ссадина размером дюйма в три. Но идеальная прическа ничуть не пострадала. Она знала, что его хлебом не корми, дай только подрасться.

– Я волнуюсь, потому что не знаю, куда ты собираешься ехать, – сказал Джон, а потом, долго крепившись, вымучил: – Хочешь, я поеду с тобой?

Эва полезла в свою сердцевидную жестянку, вынула оттуда объявление и протянула ему. Он молча прочел. Затем она пояснила:

– Я уезжаю одна, хотя мне придется одолжить у тебя столько денег, сколько только можно, но я обещаю, что верну долг, как только представится возможность. Мне нужно купить кое-какую одежду и билет на поезд.

Он обвел глазами комнату, и его взгляд остановился на гардеробе, забитом одеждой.

– Мне нужно практичное дорожное платье, – объяснила она, без труда прочитав его мысли. – И подходящая шляпа. Что-нибудь такое, что с радостью надела бы порядочная женщина.

Джон молча слушал, а потом изрек:

– Приличный наряд все равно не превратит тебя в настоящую леди.

Она взяла его руку и крепко пожала, сияясь улыбнуться. Она прекрасно понимала, что ей будет очень не хватать этого увальня.

– Конечно, нет. Но, на мое счастье, у меня есть маленький опыт игры на сцене, поэтому я могу превратиться в кого только пожелаю.

– Но, Эви, ты же никогда не была хорошей актрисой.

Чейз Кэссиди осадил лошадь и наклонился вперед, опустив руки на луку своего порядком потертого денверского седла. Он ждал, когда его догонит его правая рука, Рамон Альваро. Его взгляд скользил вдоль окрестностей. Опытный глаз осматривал покрытые низкорослым кустарником холмы в поисках скота, заблудившегося в зарослях или увязшего в трясине. Он потуже затянул свою потрепанную, выдавшую лучшие времена банданну – повязку, защищавшую нижнюю часть лица от пронизывающего ветра.

Мексиканец остановил своего крепыша Аппалузу рядом с крупной гнедой лошадью Чейза и выдержал паузу, ожидая, пока соизволит заговорить хозяин. Но Чейз снова уставился на такой знакомый пейзаж, и Рамон полез в задний карман за табаком и папиросной бумагой.

– Мы теряем дневной свет.

Рамон кивнул. Они были друзьями уже почти девять лет, поэтому понимали друг друга с полуслова.

– Если в этой горной гряде заблудился какой-нибудь скот, нам лучше заняться поисками прямо сейчас, – добавил он.

Чейз кивнул в знак согласия. Он устал, как собака, и промерз до костей, потому что солнце уже скрылось за ближайшим холмом. Он надвинул на лоб свою широкополую ковбойскую шляпу цвета буйволового кожи и поднял воротник тяжелой куртки из овечьей шкуры. Для весны чертовски зябко, подытожил он. Воздух был колючим, как будто зима не желала сдавать свои позиции так просто.

– Нам лучше всего вернуться, – сказал он, но не двинулся с места.

Рамон медленно, со вкусом, затянулся папиросой. Глубокие морщины тянулись от уголков глаз и прорезали лицо. Его лошадь замотала головой так, что звякнули металлические колечки на ее трензеле. Этот звук был так же привычен для мужчин, как и дыхание, так что они пропустили его мимо ушей.

– Мальчик вернулся домой? – спросил Рамон. Чейз выпрямился и кивнул. В воздухе витал довольно приятный аромат табака.

– Прошлой ночью. Раскидал все на кухне, устроил скандал, припечатал к стене миссис Робертсон и грязно ее обругал.

Рамон покачал головой и сделал последнюю затяжку, швырнув окурочек в грязь.

– В его сердце накопилось много злобы. Взяв в руки поводья и пропуская их сквозь пальцы, Чейз взглянул на помощника.

– Да, и его мелкие злобные выходки стоили мне очередной экономки. Мисс Робертсон в мгновение ока собрала вещи. Не будь на дворе темно, она бы удрала еще вчера ночью. А так она уезжает днем. – Он повернул лошадь в сторону ранчо, находившегося на расстоянии нескольких миль, и погнал своего великана галопом. Рамон скакал бок о бок с ним.

– Четвертая экономка за год? Si?¹

---

¹ Да? (исп.).

– Si, – эхом отозвался Чейз. – Четвертая. Нет никакой надежды соблазнить этой работой никого ни в Последнем Шансе, ни в Юнионвилле, особенно после того, как миссис Робертсон повсюду раструбит о том, как с ней обошелся Лейн. Придется заплатить, чтобы она помалкивала. Но, может, кто-нибудь откликнется на объявление, которое я послал в газетку Хелены. Но я особо не ободряюсь. Если до претендентки дойдут слухи о моей репутации или о том, что Лейн вытворял с ее предшественницами... – Он вздохнул, покачал головой и пробормотал, обращаясь больше к самому себе. – Лейну всего шестнадцать, и он абсолютно неуправляем, но я не собираюсь закрывать глаза на его выходки. Я просто не могу.

Рамон несколько секунд хранил молчание, устремив взгляд прямо перед собой. Наконец он изрек:

– Todos nuestra cruz levamos, unos de plata y otros de palo.²

Чейз понимал, что племяннику в этой жизни придется несладко, и многие из связанных с ним проблем – не только его вина. Чейз чувствовал себя ответственным за большинство из них. Он ежедневно напоминал себе, что должен быть строже с Лейном, но на успех особо не надеялся. Все их беседы «по душам» неизменно перерастали в шумные скандалы.

Когда Рамон пустил своего Аппалузу легким галопом, Чейз последовал его примеру, но даже бешеная скачка не могла отвлечь его от мрачных размышлений. Он решил, было, что все пойдет как по маслу, когда он вернется домой, но как жестоко ошибся... Невозможно было наверстать то, что упущено за эти двенадцать лет. Нельзя было ничем загладить прошлые ошибки. Нельзя вернуть те годы, которые он провел вдали от Лейна и от ранчо.

Мальчик пас скот спустя рукава, и поэтому Чейз потерял почти четверть своего стада одной самой суровой на его памяти зимой. А потом истратил почти все свои сбережения на покупку нескольких животных более устойчивой к холодам породы.

И вот теперь еще одна задачка – найти новую домоправительницу. Но все, что он мог для этого предпринять, – просто сидеть и ждать, когда кто-нибудь откликнется на объявление.

Интересно, окупятся ли расходы на помещение объявления в газете Хелены? Неужели на него польстится какая-нибудь женщина в здравом рассудке?

---

² Каждый несет по жизни свой крест, кто-то – серебряный, а кто-то – деревянный (исп.).

ГЛАВА 2

– Мы почти на месте, мэ.

Эва мельком взглянула на долговязого юношу, управлявшего грузовым фургоном, и мысленно возблагодарила Бога. Почти два часа она едва могла усидеть на месте в повозке, которая кренилась вправо-влево, трясаясь по размытой дороге, пока ее желторотый возница следовал к намеченной цели.

Она сделала глубокий вдох, наслаждаясь чистым свежим воздухом и видом пологой равнины. Как же это было непохоже на задымленный зал кабака, до отказа забитого людьми. Хотя окрестности и пострадали от недавнего ливня, теперь все жадно впитывало в себя солнечные лучи, которые пробуждали к жизни молодую весеннюю травку и первые полевые цветы.

Отдаленные предгорья оделись бархатом нового изумрудно-зеленого покрывала, а за ними вздымались островерхие горные пики в пушистых снежных шапках. От этих величественных сизых гигантов веяло чем-то монолитным, безмолвным, незыблемым.

Эва подняла руки, чтобы поправить шляпку, а заодно аккуратно возвратила на место завиток волос, выбившийся из прически. А потом начала пристально всматриваться туда, где, по ее расчетам, вскоре должны были показаться постройки ранчо. Она наклонилась вперед, опершись одной рукой о сидение так, чтобы, не дай Бог, не коснуться своего молоденького возницы, Джеймса Карберри. Она, казалось, вызвала у него такой ужас, что старалась избегать всяких контактов – а то еще с перепугу вывалится из повозки. Через пять минут после того, как они выехали из Последнего Шанса, ближайшего к ранчо «Конец пути» городка, она оставила свои безуспешные попытки завязать разговор с застенчивым отпрыском владельцев самого крупного в городе магазина.

По счастью, Эва высадилась из утреннего дилижанса и справлялась в «Универмаге Карберри», как добраться до ранчо, как раз тогда, когда паренек собирался везти туда заказанный товар. Ее несколько смутило ошарашенное выражение лица миссис Карберри, когда та услышала, что Эве нужно в «Конец пути». Но приставать с расспросами времени не было.

Она одернула юбку, коснувшись пальцами газетного объявления, надежно упрятанного в карман.

Ее новый дорожный костюм выглядел довольно скромненько. Он был сшит из серого сукна и дополнялся шляпкой в тон, на которой красовались фазаны перья и шелковая птичка в гнездышке. Смена стиля одежды, по мнению Эвы, была неплохой уловкой. Это поможет сбить с толку тех, кто мог бы узнать в ней одну из «Изумительных Эберхартов» или танцовщицу из «Дворца Венеры».

Она уже могла различить изгородь – ряды колючей проволоки, туго натянутой на грубо обтесанные столбы. Приземистая длинная постройка – жилой дом – находилась в непосредственной близости от хозяйственных построек и загонов для скота. Подъехав ближе, она убедилась, что это покосившееся здание не имеет ничего общего с двухэтажным бревенчатым домиком, который она нарисовала в своем воображении. Навес над крыльцом еле держался, кровля от времени прохудилась, а сам дом нуждался в основательной покраске.

Она до мельчайших деталей представляла себе дом своей мечты. Белые кружевные занавесочки, колышущиеся от ветра, колечки ласкового дыма, струящиеся из дымохода, блистающий свежей краской забор из штакетника. А этой унылой деревянной избушки, которую трудно было отличить от находившегося рядом хлева и такой же конюшни-развалюхи, в ее мечтах определенно не было.

Эва набрала в легкие побольше воздуха и призвала на помощь стойкость духа и мужество Эберхартов, с которыми они переживали и хорошие, и плохие времена. В их жизни были и пирушки ночь напролет, и бегства от кредиторов, которые неожиданно возникали у окошечка

кассы. Еще раз, окинув взглядом ранчо, Эва утешила себя тем, что дом, конечно, не ахти, но зато от города недалеко, и, возможно, ей время от времени будет удаваться встретиться и поболтать с кем-нибудь из местных жителей. Вряд ли в этой глуши ее кто-нибудь узнает.

Ее жизненный путь был тернистым. Зато теперь она может пройти через любые испытания. Она закалилась за долгие часы, проведенные в дороге, за время коротких ночевков в обшарпанных номерах дешевых гостиниц. Она оделась в броню, которой стали не страшны ни уничтожающие рецензии, ни свист невежественной публики, ни работа в качестве девицы из кабаре, презираемой порядочными гражданами.

Так что для начала и это место вполне сойдет.

Фургон подъезжал все ближе. Она смотрела на загон, заполненный лошадьми-полукровками и людьми, удивительно непохожими друг на друга. Она обратила внимание на высокого мексиканца, прислонившегося к створке открытых ворот. Он был наряжен в кожаную куртку с серебряными пуговицами. Ряд таких же пуговиц украшал манжеты и лампасы брюк. Экзотическое зрелище, ничего не скажешь! Огромное сомбреро скрывало верхнюю часть его лица, но оставляло на всеобщее обозрение пышные черные усы, под которыми пряталась нижняя губа. Она почувствовала, что он исподтишка внимательно наблюдает за ней. Остальные тоже не сводили с нее глаз, но при этом не прекращали своей работы. Мужчины перебрасывались шутками и свистом подгоняли большую дворнягу, помогавшую разводить лошадей по разным загонам.

Пока она наблюдала за ковбоями, Джеймс Карберри мастерски лавировал своей упряжкой и потихоньку подводил фургон к жилым постройкам. Старый черный с белыми подпалинами пес выскочил из загона, нырнув в дырку под забором, и помчался к новоприбывшим, приветствуя их залихватским лаем. Высунув язык, пес начал обнюхивать колеса повозки. Эве было не до него. Ее ладони под перчатками покрылись липкой испариной. Она твердила себе, что предстоящее знакомство ничуть не страшнее того происшествия, которое случилось как-то вечером, когда она споткнулась на сцене во время второго акта «Заблудившейся в лилиях» и грохнулась носом вниз прямо на глазах у администрации шайеннского оперного театра.

Она старалась приободриться, напомнить себе, что к этому она и стремилась, и пыталась сосредоточиться и придумать, как вести себя и что говорить хозяевам ранчо. Состряпать какую-нибудь душещипательную историйку ей особого труда не составит. Нужно прикинуться барышней с востока, у которой ни гроша за душой и чья матушка недавно отправилась в лучший мир. Эва искренне надеялась, что хозяйка дома не разглядит под этим маскарадом ее подлинной сущности и не отошлет ее восвояси.

А что если она выдержит это испытание? Она все еще не была уверена, что сумеет справиться со своими новыми обязанностями. Хотя теоретически вести хозяйство она умела. В ее распоряжении была целая коллекция статей, аккуратно вырезанных из «Дамского мира» и других журналов, и немного потрепанная книжица по домоводству, приобретенная по случаю. Но удастся ли ими воспользоваться?

Оглядев постройку еще раз, она убедилась, что кружевами тут и не пахнет. Оконные проемы были вкривь и вкось занавешены линиялыми индейскими одеялами.

– Я высажу вас здесь, мэм, если вы не возражаете, – произнес молодой Карберри еще не окрепшим, ломающимся голосом. Заметно было, как движется кадык под тесным воротничком, который он пристегнул к своей полосатой рубашке. – Я обычно разгружаю поклажу возле сарая.

– Очень вам признательна, мистер Карберри, – ответила она и улыбнулась, потому что ее обращение «мистер» заставило юношу покраснеть до корней волос.

Он спрыгнул вниз и поспешил обойти фургон с другой стороны. Глазки его так и бегали, но ни разу не встретились с ее глазами. Он помог ей высадиться, и немедленно отпустил ее

руку, как если бы она была настоящей светской дамой. Ну, хоть кого-то ей удалось обвести вокруг пальца.

Она в изысканных выражениях поблагодарила его и полезла в плетеную сумочку, висевшую у нее на запястье, за монеткой, молча, ожидая, когда он выгрузит ее чемодан.

– Большое спасибо, мэм. Я не могу дожидаться вас, мэм, – сообщил он, пряча награду в карман и при этом обеспокоено поглядывая на дверь дома. Интересно, всегда он такой дерганный, или это она вывела его из душевного равновесия. Она продолжала мило улыбаться.

– Все в порядке, мистер Карберри, мне, вероятно, придется побыть здесь какое-то время. А если у меня ничего не выйдет, наверняка найдется кто-нибудь, кто подбросит меня до города.

Он скептически хмыкнул и снова метнул взгляд в направлении дома, прокашлялся, а потом снова взобрался на высокое шаткое сидение фургона. Взмахнув кнутом, он пустил упряжку шагом, и повозка медленно покатила к сараю.

Пес крутился рядом, обнюхивая ее ноги. А Эва разгладила юбку и поправила и без того безупречно сидящую шляпку. Решив пока оставить свой багаж на крыльце, она потянулась затянутой в перчатку рукой к двери, сколоченной из сосновых досок, постучала и отошла в сторонку.

Никакого эффекта.

Псина уселась позади Эвы на задние лапы и смотрела на нее полными сочувствия глазами, один из которых был коричневым, а другой – голубым в крапинку.

– Пошел вон. – Эва отряхнула подол своей дорожной юбки. Но вместо того, чтобы убраться подобру-поздорову, этот мешок костей просто растянулся на грубых досках крыльца, уронив голову на носки ее новых ботиночек. И начал скулить. Эва повернула голову и обнаружила, что мексиканец так и остался на своем посту у забора и наблюдает за ней. Но если в доме никого нет, почему бы ему не сообщить ей об этом?

Она решительно повернулась, чтобы снова забарабанить в дверь, но ее рука замерла, едва коснувшись досок, потому что она начала различать довольно громкие голоса, раздававшиеся в доме. Послышался звук шагов. Голоса приближались. Она уже ждала, что дверь откроется, но обитатели дома, казалось, не подозревали, что на крыльце кто-то стоит. Или им было все равно.

– Мне наплевать на то, сколько раз тебя выгоняли из школы и уж совсем наплевать на то, что ты всякий раз сгораешь от стыда, вновь и вновь возвращаясь туда.

Первый, грубоватый мужской голос был слышен довольно хорошо, хотя его обладатель явно старался сдерживаться, чтобы не сорваться на крик.

– А какого черта ты решил, что я пойду у тебя на поводу? Кто дал тебе право мне указывать? Тебе было немногим больше, когда ты уже заботился о маме и о ранчо. – Второй голос был помоложе, в нем звучал вызов, хотя легкую нотку нерешительности Эва тоже уловила.

– Если бы мне пришлось связать тебя по рукам и ногам, чтобы заставить...

Второй голос звучал глуше, но теперь в нем слышалась угроза.

– Убери руки, а не то я тебя прикончу. Устыдившись того, что ей невольно пришлось подслушивать, Эва заколотила в дверь с такой силой, что заглушила голоса. Так и не дождавшись результата, Эва наклонилась и подергала задвижку. Но едва только она коснулась ее, дверь, отпертая изнутри, резко распахнулась.

Дьявол во плоти.

По ее телу пополз неприятный холодок, когда она увидела мужчину, возникшего перед ней в дверном проеме. Единственное, что ей пришло на ум в качестве характеристики, – «Дьявол во плоти». Она-то ожидала, что ее встретит хозяйка дома или, на худой конец, кто-то, кто уж точно не будет выглядеть, как разбойник с большой дороги. Как тот человек, который стоял перед ней.

Он сверкал глазами, как злодей из дешевой мелодрамы.

Блестящая серебряная пряжка его ремня резко выделялась на фоне гладкой черной рубашки и черных же брюк. Черные сапоги на каблуках, излюбленная обувь ковбоев, делали его выше ростом. Обеими руками он упирался в стены, и, казалось, собирался и дальше так стоять, бесцеремонно разглядывая ее своими полуночными глазами. Его блестящие волосы были волнистыми и черными, как смоль. Буйный чуб спадал на лоб, а неровно подстриженные волосы на затылке спускались на воротник рубашки.

Эва заглянула в его убийственные глаза, в которых нельзя было прочесть ничего, ни единой мысли, и тут же подумала, а не поздно ли еще повернуться кругом и умчаться назад в город вместе с Карберри. Сейчас или никогда, Эва. Она собралась с духом и встретила холодный, тяжелый взгляд ранчера.

– Что вам надо?

Чейз Кэссиди прекрасно видел, что его грубость обескуражила очаровательную молодую женщину, стоявшую на его крыльце, но сейчас у него было не то настроение, чтобы нянчиться с какой-то добροхоткой, которая взяла на себя труд побеседовать с ним о спасении души и изгнании злого духа. Это было нечто неземное – чистое, хрупкое, зеленоглазое и медноволосое видение. Она казалась ангелом, спустившимся с небес. На какое-то мгновение он именно так и решил, но потом заметил примостившийся на ступеньках крыльца чемодан.

Чейз еще больше рассердился, когда, бросив взгляд поверх ее плеча, увидел молодого Карберри, выгружавшего у сарая большой моток колючей проволоки. И он снова переключил свое внимание на женщину.

Увидев у дверей своего дома такую, без сомнения, благовоспитанную леди, он испытал настоящее потрясение, но он давно уже научился искусно скрывать свои мысли и чувства. У него это получалось так же естественно, как дышать.

Он пожирал ее взглядом, и она, в свою очередь, не сводила с него глаз, таких бездонно-зеленых, какими бывают холодные лесные озера в жаркий летний день. В голове промелькнула мысль – ее щеки напоминают спелый персик.

Пока он так стоял столбом, рыжеволосая, наконец, обрела дар речи.

– Меня зовут Эва Эдуарде. Я приехала по объявлению.

Он ждал, инстинктивно напрягшись, когда она сунула руку в карман. Настороженность чуть-чуть прошла, оказалось, что предмет ее поиска – всего лишь обтрепанный клочок газеты. Она протянула ему бумажку, но он даже не думал брать ее. Не обескураженная таким неласковым приемом, девушка продолжала:

– Я увидела это объявление в местной газете и приехала, чтобы получить место, если, конечно, оно не занято.

У Чейза мелькнула мысль, что он мог бы найти ей применение еще в куче должностей, но все они были не совсем пристойными. А ведь в его дверь постучала настоящая леди – благовоспитанная, из порядочной семьи, судя по внешнему виду.

– Вам бы следовало предварительно написать, прежде чем лично являться на ранчо.

– Мне очень неловко, но я...

– Вы мне не подходите, – отрезал он.

Она стояла прямо, будто аршин проглотила, заливаясь краской от того места, где ее нежная шейка пряталась в тонких кружевах, до лба великолепной формы.

Кажется, до нее, наконец, дошло, что он дает ей от ворот поворот.

– Как это, не подхожу? Откуда вам знать? Вы даже не побеседовали со мной?

– А мне это ни к чему. Вы не похожи на экономку.

Ради этой работы она была готова на все. Чейз прекрасно это понял по тому, как вызывающе она вздернула свой маленький курносый носик.

Она была разряжена, как леди, но дорогая одежда чересчур шикарна для простой экономки. Шляпка, украшенная перьями и разными финтифлюшками, ладно сидела на ее мед-

новолодой кудрявой головке. Ручки затянуты в кремовые лайковые перчатки. И он готов был спорить на трех коров, что кожа под ними не была ни загрубевшей, ни потрескавшейся.

– А как, по-вашему, должна выглядеть экономка?

Она застала его врасплох. Чейз нахмурился, было, но потом обрадовался, найдя, как ему показалось, вполне логичное оправдание.

– Я бы предпочел кого-нибудь постарше.

– Постарше? Понятно. Вам нужна дряхлая старуха, у которой едва бы хватало сил на уборку и готовку.

– Ну, здесь не так уж много работы, – возразил он.

– Вот и отлично. Тогда я наверняка справлюсь, правда?

Он никак не мог взять в толк, как же ей так ловко удалось загнать его в угол, а она уже сделала следующий выпад.

– Простите меня, но я что-то не вижу здесь толпы других претенденток. Может, все-таки объясните толком, почему отказываете мне?

Он колебался, вполне отдавая себе отчет в том, что она может оказаться единственной, кто позарился на эту работу.

– Ну, мы живем очень уединенно, вдалеке от всяких развлечений.

Она одернула свой жакет и качнулась на каблуках.

– Иными словами, у вас нет выбора, вы не можете найти ни одного более-менее веского довода, чтобы отказать мне в месте.

– Проще говоря, вы не совсем подходите для этой работы. И давайте закроем эту тему.

В нем боролись противоречивые чувства. На одной чаше весов Лейн. Чейз отлично понимал, что он будет круглым идиотом, если примет на работу женщину, которая, судя по всему, не способна справиться с этим мальчишкой, по крайней мере, не больше двадцати минут. Работники прозвали предыдущую экономку «старой ведьмой», но она не выдержала здесь даже одного дня. Чейз отдавал себе отчет, что надо совсем рехнуться, чтобы нанять такую красавицу для работы на уединенном ранчо, где живут пятеро взрослых мужчин и один сопливый юнец. Если он примет на работу такую милашку, как мисс Эва Эдуарде, хлопот потом не оберешься, а ему в последнее время и так несладко.

Она глубоко вздохнула, потом перевела взгляд на помятую газетную вырезку, потом на носки своих слегка запыленных дорожных ботиночек серого цвета, которые высовывались из-под длинной юбки. Кудлатый приبلудный пес, которому очень по душе пришлось теплое местечко, удобно устроился на ее ногах, засунув нос к ней под подол.

Чейз уже начал жалеть о том, что обошелся с ней так невежливо, но что еще оставалось делать, если ему во что бы то ни стало нужно отправить ее назад в город с Карберри. Перспектива посылать вместе с ней кого-то из своих людей ему абсолютно не улыбалась.

Она начала медленно складывать вырезку с объявлением.

– Я боялась, что вы это скажете, – еле слышно произнесла она.

На секунду он растерялся.

– Что скажу?

– Что я не гожусь для этой работы.

У него как-то противно заныло в животе, когда она снова посмотрела на него. Внезапно ее изумрудные глаза наполнились слезами. Как по мановению волшебной палочки, одна крупная капля повисла на ее ресницах, а потом скользнула вниз по нежной щечке.

– Ну, ну, леди, будет вам. – Он полез в карман штанов за платком. Он не без колебания протянул платок ей, потому что тот был потрепанным от частого употребления и застиранным, – но слезы теперь струились бурным потоком и почему-то очень шли ей. У него защемило сердце.

За его спиной возник Лейн.

– Это еще кто?

Чейз обернулся через плечо и подсознательно отметил, что Лейн настолько вытянулся в последнее время, что их глаза находятся почти на одном уровне.

– Эта дама хочет получить должность экономки.

– Только этого нам и недоставало.

Именно такой реакции, именно такой грубости и ожидал Чейз от него. Он снова повернулся к стоящей на пороге девушке и обнаружил, что она внимательно слушает, ожидая, не изменится ли приговор. Слава Богу, хоть плакать перестала.

Когда Лейн подошел ближе к Чейзу и хорошенько рассмотрел незнакомку, он потерял дар речи. Правда, ненадолго.

– Думаю, она – именно то, что нам нужно, – объявил он Чейзу.

В глубине его глаз загорелся какой-то подозрительный огонек.

– А я считаю, что ей самое время вернуться в город.

Рыжеволосая, похоже, все еще не потеряла надежды.

– Может быть, мистер...

– Кэссиди.

– Мистер Кэссиди, может, вы позволите мне на секундочку зайти... – попросила она.

Лейн распахнул дверь шире.

– Почему бы тебе хотя бы не поговорить с ней, дядюшка Чейз? Продемонстрировать хорошие манеры, о важности которых ты мне все уши прожужжал? Не желаете ли стаканчик холодной водицы, мэм? Или чашечку дрянного кофе?

Чейз метнул на своего племянника предостерегающий взгляд, но это не возымело никакого действия.

И тут, приведя Чейза в полное замешательство, леди кивнула, поспешно смахнула с глаз последние слезинки и одарила Лейна ослепительной улыбкой.

– Это было бы просто замечательно. Я проделала такой долгий и утомительный путь из города.

Лейн отступил назад, она прошествовала мимо Чейза и прошмыгнула в дом.

Он в изумлении наблюдал за тем, как его племянник ведет ее в комнаты. А потом завертел головой, чтобы стряхнуть оцепенение, охватившее его при виде чувственного покачивания женских бедер, когда их обладательница проплывала через прихожую.

Он последовал за ними через гостиную в кухню и словно смотрел на все ее глазами.

Мрачные комнаты. На всем толстый слой пыли, самодельная мебель, на которую вместо обивки наброшены воловьш шкуры, витающий в воздухе затхлый запах.

– Ей надо поспешить, если она собирается возвращаться в город, – напомнил Чейз, поравнявшись с ними.

– С Карберри. – Лейн выдержал довольно длинную паузу, а потом повернулся к Чейзу с кривой усмешечкой на губах. – Да этот маменькин сынок не в состоянии найти даже коровий колокольчик...

– Хватит, – отрезал Чейз, радуясь, что девушка с такого расстояния не может слышать грубостей Лейна.

– Это так любезно с вашей стороны, – показать мне дом, – прошебетала Эва, когда они добрались до кухни.

Ни слова не проронив в ответ, Чейз потянулся за глиняным кувшином и поискал чистый стакан среди груды тарелок, кастрюль и сковородок, сваленных в буфете. Обнаружив искомое на самой верхней полке, он достал стакан и налил туда щедрую порцию воды.

Протягивая ей стакан, он произнес:

– Если вы сейчас немного освежитесь, а потом повернете назад, прежде чем...

– Я – Лейн Кэссиди, его племянник. Присаживайтесь. – Лейн пододвинул к ней стул, несмотря на испепеляющий взгляд Чейза, которому тот постарался придать наибольшую выразительность.

Она подняла глаза на Лейна и, в свою очередь, представилась:

– А я – Эва Эдуарде. – И уже для них обоих начала тараторить: – Вероятно, мне стоит обрисовать вам мое положение. Дело в том, что я осталась одна-одинешенька на белом свете. – Тут из ее груди вырвался легкий вздох, а по телу пробежала едва заметная дрожь. Едва только Эва села, ее отливающие золотом кудри заструились вокруг ее щек, выбившись из-под шляпы, и прикрыли лицо и плечи.

Не в силах отвести взгляд от девушки, Лейн кивнул.

– Это очень скверно, мэ, – ляпнул он. По его мнению, это должно было выражать искреннее сочувствие.

Чейзу ужасно захотелось дать ему пинка. Прежде чем она успела снова рот раскрыть, он подошел ближе с твердым намерением прервать эту задушевную беседу. Он вовсе не желал быть посвященным в подробности жизни миссис Эвы Эдуарде. Ему нужно было только спровадить ее восвояси. Такая молодая и хорошенькая особа может найти себе работу где угодно. Не хватало только, чтобы она пострадала из-за его запятнанной репутации или непредсказуемого поведения Лейна.

– Мисс Эдуарде...

– Пожалуйста, мистер Кэссиди, мне и так очень тяжело.

Эта мольба, казалось, исходила из самого сердца и подействовала на него, как оплеуха. Он тут же замолчал. А затем, как будто какое-то воспоминание причинило ей невыносимую боль, она снова тяжело вздохнула.

– Я родом из Филадельфии, и, не стану вас обманывать, раньше мне не приходилось работать экономкой.

Она пристально посмотрела на Чейза, прямо впилась в него взглядом, в который вложила всю душу, как будто эта работа была для нее вопросом жизни и смерти.

– Во всяком случае, экономкой по найму. Но я вела дом и заботилась о моей семье в Филадельфии.

В ее голосе появились мечтательные нотки, как будто она вдруг очутилась в прекрасной сказке.

– У нас был прелестный домик, двухэтажный, с множеством комнат, с паркетными полами, которые натирали каждую неделю, а еще я крахмалила льняные скатерти, и у меня была книга старых семейных кулинарных рецептов, – внезапно она замолчала, как бы спохватившись, что слишком увлеклась.

– А вы не справлялись о работе в городе? – поинтересовался Чейз.

– У меня не было такой возможности. Едва я только вышла на станции, как уже сразу надо было ехать дальше.

Как он и предполагал. Ей абсолютно ничего не было известно о нем, и ее никто не успел просветить насчет ее неудачливых предшественниц. Она допила воду, отдала пустой стакан и снова обратилась к Чейзу.

– Я умею готовить и убирать, я могу взять на себя все заботы по дому. – Ее взгляд облетел помещение и снова остановился на нем. – Судя по виду кухни, я нужна вам, как воздух.

– Боюсь, что... – Чейз увидел, какой надеждой засветились глаза Лейна, и не мог не признаться себе, что на него самого мисс Эва Эдуарде произвела неизгладимое впечатление. Поразительная сдержанность племянника, не говоря уже о приличном поведении, так выгодно отличались от сарказма и оскорбительных выходок, которыми он встречал других женщин, которых нанимал Чейз. Конечно, еще рано говорить «гоп», но по тому, как мальчишка весь светился, глядя на нее, можно было надеяться, что он хоть немножко обуздает свой бешеный

нрав и начнет ее слушаться. Кроме того, сам Чейз и представить себе не мог, что будет стоять тут, развесив уши, увлеченный ее печальными сказками.

– Вы же сами сказали, что тут работы не так много, и даже пожилая женщина в состоянии с ней справиться, – напомнила она.

Кэссиди насупился.

– Это скотоводческое ранчо, мэм. Здесь живут шестеро мужчин, включая моего племянника. Мы находимся в нескольких милях от города. Если вы привыкли к светским развлечениям, здесь вы их не найдете.

Она, казалось, напряженно обдумывала его предостережение. Ее пальцы нащупали жемчужную пуговку на горловине приталенного жакета и начали крутить ее. Она снова издала глубокий горестный вздох.

– Моя матушка покинула этот мир, мистер Кэссиди, упокой, Господи, ее душу, после долгой и мучительной болезни. После нескольких месяцев, что я провела как сиделка у ее ложа, я обнаружила, что от нашего состояния ничего не осталось, и вынуждена была продать дом и все наше имущество. И этого едва хватило, чтобы оплатить счета от врача. Все, что мне нужно, – это тихая и спокойная работа.

Чейз стоял, засунув руки в карманы и облокотившись на кухонный шкафчик. Он заметил, что она смотрит на него сквозь полуопущенные ресницы.

– Если вы останетесь – ваша репутация может пострадать, – предупредил он ее.

– У вас ведь были и другие экономки. – Ее рука опять потянулась к пуговице, и она очаровательно порозовела. – Разве их репутация пострадала?

Она как будто обиделась, как если бы он обвинил ее в моральной неустойчивости и распущенности. Он уже хотел, было начать уверять ее, что у него и в мыслях не было ее оскорбить, как вмешался Лейн.

– Да если бы вы увидели хоть одну такую старую каргу, то поняли бы, что им было все равно, – хихикнул он.

Звук непринужденного смеха Лейна заставил Чейза встрепетаться. Парнишка обычно даже улыбался-то редко. Чейз вдруг осознал, что именно таким Лейн мог бы стать, если бы его мать, Салли, осталась жива. И это заслуга обаятельной мисс Эдуарде, что мальчик ведет себя по-человечески. Чейз всего себя посвятил воспитанию Лейна. Одному Богу известно, сколько усилий он приложил, чтобы мальчик начал доверять ему, с тех пор как он вышел из тюрьмы, но не слишком в этом преуспел. А тут, впервые в жизни увидев Эву Эдуарде, Лейн уже предлагает ей чашечку кофе, стул и так заразительно смеется.

Несмотря на то, что Лейн был убежден в обратном, Чейз действительно любил его и заботился о нем, и его единственным желанием было видеть племянника счастливым. И он не мог не признать, что ему до зарезу нужен кто-то, кто присматривал бы за хозяйством и за Лейном, чтобы он сам мог отправиться на весенний объезд пастбищ. Если он возьмет на работу настойчивую мисс Эдуарде, он и его подручные могут выехать в поля хоть завтра.

А Эва Эдуарде утверждает, что со своими обязанностями она справится.

Она боялась привлечь к себе внимание. Пока Чейз решал ее участь, сидела очень тихо, примостившись на краешке своего стула, и разглядывала кухню. Она отметила про себя и стол, заваленный грязной посудой, и плиту, покрытую слоем копоти, кастрюлю с застывшими в жире бобами. Затем, будто приняв какое-то решение, мисс Эва Эдуарде внезапно выпрямилась, разгладила юбку и сложила руки на груди.

Чейз вынул руки из карманов, отошел от буфета. У нее определенно было что сказать. И он готов выслушать.

– Мистер Кэссиди, вы до этого упомянули, что наплыва претенденток на это место нет из-за того, что ранчо находится в отдалении от городской жизни. А хоть один человек здесь появлялся?

– Ну...

– Ни один, – самодовольно сообщил Лейн.

– Ваше ранчо находится не так уж далеко от города. Если позволите, я хотела бы спросить, почему эта работа никого, кроме меня, не заинтересовала?

Чейз взглянул на Лейна. Мальчишка будто воды в рот набрал. Мрачно сверкая глазами, он будто провоцировал Чейза на то, чтобы тот рассказал о том, как Кэссиди-младший вел себя с теми женщинами. Он весь напрягся, ушел в себя, занял оборонительную позицию и ждал, когда Чейз начнет публично позорить его.

Интересно, думал Чейз, насколько он унизит парня, если расскажет мисс Эдуарде, что Лейн, всплыв, швырнул стул в окно, едва не разбив при этом голову первой экономке, что до смерти перепугал вторую, приставив нож к ее горлу?

Насколько важно то, что в поведении мальчика заметны хоть какие-то изменения к лучшему? Будет ли Эва Эдуарде настолько самоотверженной, чтобы занять это место, если он расскажет, что сам он столько лет просидел в тюрьме штата? Он снова перевел взгляд с Эвы на Лейна и обратно.

– Попросту говоря, мы не самая приятная в общении семья – для посторонних. – Облегчение, написанное на лице Лейна, оправдало на миг даже то, что Чейзу пришлось погрешить против истины.

– Я все еще полна решимости попытаться, – заверила она. – А для вас единственный способ избавиться от сомнений – предоставить мне эту работу – с испытательным сроком, конечно.

Направляясь к окну, которое выходило прямо на падок, Чейз заметил, что Лейн смотрит на него с невольной благодарностью. Эва Эдуарде тоже смотрела на него, ожидая ответа.

Он битых полдня провел сегодня, пререкаясь с Лейном по поводу необходимости посещать школу. Во дворе Рамон ожидал распоряжений. Он прекрасно знал, как ребятам осточертели вечно полусырые бобы и разваренный рис. А эта женщина утверждает, что у нее имеется несколько фамильных рецептов.

Он повернулся и сразу почувствовал себя в центре внимания обоих – Лейна и Эвы Эдуарде. Лейн, похоже, был абсолютно уверен, что Чейз отошлет ее, только чтобы досадить ему. Бездонные зеленые глаза девушки молили дать ей шанс.

Жизнь обычно дает немного шансов.

Чейз глубоко вздохнул. Он в жизни не встречал более настойчивой и упорной особы. Если, наняв ее, он совершит ошибку, вина будет лежать не только на нем, но и на ней.

– Можете остаться...

Тут же раздалось изъявления благодарности, не давшие ему закончить.

– ... Пока мы не убедимся, что вы справляетесь, как надо. А там посмотрим.

Он замер, потому что ему на миг показалось, что девушка собирается повиснуть у него на шее, но она вовремя опомнилась и просто прижала руки к груди.

– Огромное спасибо вам, мистер Кэссиди. Честное слово, вы не пожалеете.

Чейз передернул плечами. Он уже пожалел.

У нее получилось.

Она действительно выиграла первый раунд в борьбе за приличную работу в нормальном доме. Вернее, в почти нормальном. Наверняка, существовали гораздо более веские причины, по которым Чейз Кэссиди не держал экономки, и она достаточно хорошо знала мужчин, чтобы догадаться – он что-то скрывает. Но, имея опыт работы во «Дворце Венеры», она сильно сомневалась, что ее можно будет чем-то удивить. Это только вопрос времени – выяснить, что к чему, а пока у нее есть работа, и она намерена выполнять ее так качественно, чтобы Чейзу Кэссиди не к чему было придраться. Течение ее мыслей прервал Лейн.

– Я возьму ваш багаж и покажу вашу комнату, мэм, – предложил он.

Эва улыбнулась симпатичному пареньку, который был уменьшенной копией своего дяди. Она знала, что немало сердец будет разбито, когда Лейн Кэссиди почувствует тягу к женщинам.

– Это было бы просто замечательно. Спасибо, Лейн, – она снова повернулась к Чейзу и обнаружила, что тот наблюдает за племянником с таким выражением, как будто впервые его видит. Между этими двоими существовало что-то такое, что с первого взгляда было трудно раскусить.

– В котором часу вы ужинаете? – Она не забывала, что день уже на исходе, а ей придется немало потрудиться, чтобы состряпать какую-нибудь еду.

– После захода солнца. – Чейз протянул руку за высокой шляпой цвета буйволовой кожи, висевшей на вешалке из оленьих рогов над столом. Потом он помедлил немного на пороге, и она отметила про себя, что на фоне его широких плеч дверной проем как-то сузился.

С явной неохотой он добавил:

– Как я уже говорил, нас здесь шестеро, вместе с Лейном. С вами – семеро. Ребята едят здесь, на кухне, но спят в отдельной пристройке. Все, что вам нужно, вы найдете в кладовке и в шкафу у черного хода. Составьте список того, что может вам пригодиться, а мы постараемся достать все это, когда кто-нибудь в следующий раз поедет в город. От вас требуется только готовить, наводить порядок и держаться подальше от пристройки. Это звучало как-то странно.

– А где я буду есть?

Он улыбнулся краешками губ, как будто ее вопрос его немало позабавил.

– У меня в доме всего один стол, поэтому, я полагаю, вам лучше всего делить трапезу с нами.

– Ни о чем не беспокойтесь, – улыбнулась она в ответ, мысленно перебирая в уме все, что она натворила в течение всего лишь двух с половиной последних часов. Когда он кивнул и попрощался, Эва почувствовала укол совести за свое вранье, за выдуманную печальную историю, за фальшивые слезы. Она с жаром попросила прощения у своей моложавой, пышущей здоровьем матушки за то, что записала ее в покойники. А ведь именно в этот момент она, где-то в Топене, блистает в роли Луизы, слепой сестры Генриетты, в «Двух сиротках».

Эва получила работу. А из этого следует, что ей придется постараться держать в тайне свою прошлую жизнь. Чейз нанял молодую леди из Филадельфии, больше ему ничего знать не надо, и она очень надеялась, что никто из его помощников ее не узнает. Она со столькими ковбоями пересекалась на узеньких дорожках, что не могла ручаться за то, что на ее пути никогда не попадались ребята Кэссиди. Ну, да ладно, поживем – увидим.

Самая жестокая схватка в этой битве была уже позади, как она надеялась. К тому времени, как этот Кэссиди узнает, если такое вообще произойдет, кто она такая на самом деле, она уже докажет, что вполне способна на большее, чем подавать пиво, стаптывать подметки в танцах или играть в третьесортных мелодрамах.

А теперь – за дело. Эва проводила взглядом Чейза, удалившегося в полном молчании, а потом поспешила за Лейном. Перед ней стояла задача превратить во что-то более-менее приличное самую грязную кухню, которую ей приходилось видеть с тех пор, как Изумительные Эберхарты выступали в полуразвалившемся театрике на Сан-Франциско Бауэри.

А теперь она полна решимости переиграть всю свою жизнь.

ГЛАВА 3

Эва вытерла лоб тыльной стороной ладони и убрала спадающий на глаза локон, а потом поправила один из ножей на дальнем конце длинного кухонного стола, лежавший кривовато. Она встала, оглядела результаты своих трудов и удовлетворенно вздохнула. Уже смеркалось, но вся работа по дому была выполнена.

Конечно, обед не был шедевром кулинарного искусства, но получился вполне удобоваримым. Какое-то время у нее заняло чтение книги по домоводству – того раздела, который был посвящен инструкции по разжиганию плиты. Определение местонахождения фитиля, углубления для золы и регулятора тяги особых сложностей не вызвало. Хорошо, что Чейз Кэссиди приобрел модель с духовкой, растапливающейся отдельно, и с резервуаром для воды.

Процесс разжигания плиты оказался сложнее, чем она думала. Когда огонь наконец разгорелся, она снова обратилась к своей полезной книге и вычитала в ней про проверенный метод, заключающийся в том, чтобы в сковородку бросить щепоть муки и сунуть в духовку. Мука моментально потемнела, следовательно, температура для выпечки хлебцев самая подходящая.

Как раз теперь хрустящие хлебцы начали подрумяниваться, а говяжье фрикассе – рецепт которого она с трудом выведала у повара отеля Сен-Луи, – забулькало в глубокой верхней «датской духовке». Картофельное пюре было уже готово и дожидалось своей участи на горячей конфорке.

Она стянула с себя импровизированный передник – посудное полотенце, повязанное вокруг талии, и вышла из кухни в маленькую спальню. Комната, предоставленная ей, выглядела так, как будто все ее пожитки разметало взрывом. Несколько часов назад, когда она рылась в своих вещах в поисках «Знаменитой кулинарной книги миссис Эпплби», она вывернула все содержимое своего чемодана на кровать. Пол был покрыт радужными брызгами ее легкомысленного нижнего белья. Украдкой поглядывая на дверь, она запихала все под кровать. Ее серый костюм лежал там же, где она его бросила, когда переодевалась в простенькое ситцевое платье в карамельного цвета полосочку.

В этой убогой комнатенке не было ничего, кроме узкой кровати, застеленной скучным грязно-коричневым покрывалом, небольшого шкафчика с вделанным в створку зеркалом, умывальника и керосиновой лампы с треснутым колпаком. На полу не было даже лоскутного коврика, который хоть немного спасал бы от холода, наверняка вползавшего сюда по ночам. На фоне нового обиталища ее обшарпанная маленькая комнатка в заведении Куинси выглядела настоящим дворцом. Она пожалела, что не набралась наглости и не прихватила с собой цветастое покрывало.

Эва встала перед зеркалом, пальцами пригладила волосы, ниспадающие ей на плечи, смахнула с носа муку. Она боролась с искушением немного подкрасить губы, но потом передумала. Теперь ей следует вести себя, как настоящая леди.

На заднем крыльце послышались шаги. Едва сдерживая волнение, она помчалась обратно в кухню. Первым шел Лейн, судя по всему пребывающий в дурном расположении духа. Мальчик кивнул ей, но не улыбнулся.

– Все готово. Прощу к столу. – Эва сделала приглашающий взмах рукой, отметив про себя, что все выглядит безупречно. Она вымыла посуду – разномастные стаканы и рюмки сверкали. Для симметрии водрузила в центр стола глиняный кувшин с питьевой водой. Она слышала отдаленный звук мужских голосов. Мужчины поднимались по заднему крыльцу, переговариваясь довольно громко.

Чейз Кэссиди, возглавлявший шествие, появился на пороге. Он подошел к Лейну, небрежно положил руку на его плечо и напомнил:

– Не забывай о хороших манерах. Руки мыл?

Лейн немедленно внутренне подобрался и отстранился от Чейза. Он бросил взгляд на Эву и насупился еще больше, а потом снова перевел глаза на Чейза.

– Да, – ответил он едва слышно. – Мыл. – Он избегал встречаться глазами с Эвой и просто прошмыгнул на свое место за столом.

Хлопоча у плиты, Эва притворялась, будто не замечает размолвки между двумя Кэссиди. Один за другим на пороге появлялись работники. Она не смотрела в их сторону, потому что в это время наполняла едой тяжелое овальное блюдо. Картофельное пюре она выложила причудливым пушистым бордюром, а в середину поместила говядину, плавающую в густой жирной коричневой подливе. В кои-то веки она делает именно то, что ей всегда нравилось, и она была в таком упоении от своего первого успеха, что постоянно сгоняла с лица улыбку, чтобы не выглядеть круглой душой.

Шебуршание и скрежетание ножек стульев о пол внезапно стихло. Эва повернулась вокруг своей оси с блюдом в руках и замерла, потому что ковбои, стоявшие вокруг стола, пожирали ее глазами так, как будто до этого в жизни никогда не видели экономки.

– Пожалуйста, садитесь, – пригласила она.

Все сели.

Эва протянула блюдо Чейзу, сидевшему во главе стола. Пока он накладывал себе порцию, она стояла сбоку от него и улыбалась разношерстной компании мужчин за столом, очень надеясь, что никто из них не узнал ее. Именно с такими простыми ребятами она привыкла общаться в дни работы в танцзале. Мексиканец, которого она заметила раньше, выглядел куда менее зловещим без своего широкополого сомбреро, затеняющего лицо. У него были глубокие карие глаза, с лучиками глубоких морщин по углам. Он пристально посмотрел на нее, потом кивнул, но не улыбнулся и не проронил ни звука.

Она подождала немного, давая Чейзу возможность представить ее. Но потом, забеспокоившись, что, пока он надумает открыть рот, ее хлебцы остынут, решила взять инициативу в свои руки.

– Меня зовут Эва Эдуарде. Я ваша новая кухарка и экономка, – представилась она. – Мне очень приятно со всеми вами познакомиться.

Мексиканец встал.

– Я – Рамон Валенсуэла Ортега Альварардо. Я – права рука, первый помощник и заместитель. Добро пожаловать, сеньорита.

Неожиданная галантная речь помощника, прозвучавшая так сухо, несколько удивила ее. Потом она улыбнулась, показывая, что знакомство состоялось, и остальные трое ковбоев вскочили на ноги.

– Я – Нед Делмонт, мэ. – Огненно-рыжий парень так тарасил на нее глаза, как будто не смел моргнуть из боязни, что тогда это видение исчезнет. Он был среднего роста, загорелый. Несмелая улыбка почти терялась под его пшеничными усами.

– Я – Джетро Адамс, – представился другой молодой мужчина лет двадцати с хвостиком, сидевший рядом с Недом. Он был такой же комплекции, косолапый, с каштановыми волосами. Несмотря на сломанный нос, по-своему симпатичный и хорошо сложенный. Как и Нед, он не сводил с нее глаз.

Эва переключилась на последнего ковбоя. Он казался дряхлым стариком, его кожа была даже темнее, чем у смуглолицего Рамона Альварардо.

– Я – Орвил Браун, – проскрипел он, как кофемолка, в которую насыпали горсть щебня. – И я хочу сказать, что это очень здорово, видеть на своей тарелке что-то лучшее, нежели бобы, рис и мухи. И, конечно, самое замечательное, что у нас поселилась такая милая леди.

У него был тягучий южный выговор, и она пожалела, что ей никогда не доводилось изображать южный диалект на сцене. Величественно, как сезонный трагический актер в конце

монолог, он поклонился и медленно опустился на свой стул. Орвил двигался так, как будто малейшее усилие причиняло ему нестерпимую боль. Глаза старика были налиты кровью, плечи опущены, а пух на голове, оставшийся вместо волос, был совершенно седым. Интересно, сколько времени этот темнокожий человек работает здесь? Он выглядел наиболее вероятным хозяином старого кресла-качалки, которое стояло на крытой веранде.

Эва скрестила руки на груди.

– Я просто счастлива со всеми вами познакомиться. И я так благодарна мистеру Кэссиди за предоставленную мне возможность...

– Мисс Эдуарде, мы хотели бы приступить к еде. Не соблаговолите ли вы сесть, чтобы и все остальные прекратили свои приседания.

Всем своим видом выражая нетерпение, Чейз Кэссиди смотрел на нее, постукивая большим пальцем по столу. Подливка на его тарелке уже начала остывать. Блюдо ковбои передавали из рук в руки. Лейн положил себе добавки, но молча уставился в тарелку, плотно сжав губы.

– Приступайте, пока все не остыло, а я пока достану фасоль и выпечку. – Она бросилась к плите и, начав вытаскивать противень с хлебцами, обожгла руку и выронила противень, который с грохотом упал обратно на решетку духовки. По счастью, ни один из ее золотистых хлебцев не пострадал. Эва схватила скомканное полотенце, прихватила противень, вытащила его и высыпала хлебцы на поднос. Быстро поставив ароматный хлеб на стол, помчалась за кастрюлей с тушеной фасолью. На каждую тарелку она шумовкой положила горсточку фасоли.

Предоставив ее самой себе, никто даже не думал подождать, пока она сядет. Вместо этого парни уткнулись в свои тарелки и набивали рты едой. Когда Эва наконец добралась до своего стула, все бросили ножи и вилки и вскочили на ноги.

Когда Чейз Кэссиди помог ей сесть, все остальные немедленно плюхнулись обратно. Она послала им улыбку, разгладила юбку и постаралась сесть так, чтобы не измять ее.

На ее тарелке лежала только зеленая фасоль, которую она сама себе положила. Она взяла с блюда хлебец, а потом попросила:

– Будьте любезны, передайте мне, пожалуйста, мясо с картошкой.

Ковбои сконфуженно переглядывались. Перекочевывая из рук в руки, блюдо добралось до нее. К тому времени на нем осталась только лужица подливы, волоконце мяса и жалкий холмик пюре.

Эва подняла глаза и перехватила взгляд Чейза. Она не знала, является ли складка, прорезавшая его лоб, выражением осуждения ее нерасторопности или досады на своих людей за их свинство.

Эва отметила про себя, что в следующий раз нужно готовить еды в два раза больше. Ей самой пришлось удовольствоваться хлебцами и фасолью и утешаться тем, что тарелки были вылизаны дочиста. Все хранили гробовое молчание. В маленькой кухне повисла звенящая тишина. Эва решила разрядить обстановку и наполнить кофейные чашки.

– Я приготовила хлебный пудинг с апельсиновым джемом. Я не знала, пожелаете ли вы, джентльмены, чтобы я подала кофе и десерт в гостиную, или...

– Здесь будет в самый раз, – ответил Чейз.

Она вернулась к столу, держа в руках высокий эмалированный кофейник.

– А потом? – настаивала она.

– Здесь полно работы. Мы встаем еще до рассвета. – Он пристально смотрел на нее.

Она чувствовала неприязнь в его взгляде, как будто она посягала на его авторитет. Знал бы он, как ее освистывали во время спектаклей, как в нее летели помидоры и другие предметы – и она выдерживала это. Для того чтобы сломить ее, нужна более веская причина, чем подъем на рассвете.

– В котором часу подавать завтрак? – жизнерадостно осведомилась она, кружась вокруг стола и наполняя чашки дымящимся кофе.

– В пять тридцать, – последовал ответ.

Она отвернулась, чтобы никто не видел ошарашенного выражения ее лица. Такое неподдельное изумление она за всю свою жизнь испытывала всего раз пять или шесть.

Хлебному пудингу все отдали должное, как и говяжьему фрикассе. Мужчины уписывали за обе щеки, однако на сей раз, когда блюдо добралось до нее, на нем оставалась еще примерно столовая ложка десерта.

Почти все присутствующие уже покончили с едой, когда Лейн отодвинул от стола свой стул. Чейз остановил его, бросив:

– Поблагодари мисс Эдварде. Лейн избегал смотреть в ее сторону.

– Спасибо, – неохотно буркнул он и выскочил из комнаты.

Чейз заметно расслабился. С уходом мальчика с него явно спало напряжение. Он откинулся на стуле, прихлебывая кофе. Один за другим мужчины закончили трапезу, поблагодарили ее и ушли. От второй чашки не отказался только Орвил Браун.

– Только я возьму ее с собой, мэм. Я бы хотел выпить ее на улице, если, конечно, вы не возражаете.

Она бросила взгляд на Чейза, который и глазом не моргнул, и сделал вид, что он вообще не слышит.

– Конечно, не возражаю, мистер Браун. – Эва смотрела, как старик медленно поднимается со стула, и поднесла ему чашку кофе. Как только стихли шаркающие шаги Орвила Брауна, Чейз встал и отодвинул стул. Он стоял, пристально глядя на нее, как будто хотел что-то сказать, но обдумывал последствия. Прошла минута или две, прежде чем он заговорил.

– Мисс Эдуарде?

– Да? – Эва с интересом ожидала продолжения.

– Вы были правы. – Он стоял, зацепив большие пальцы рук за отвороты карманов.

– По поводу чего?

– Готовить вы действительно умеете. Эва усмехнулась.

– Благодарю вас.

На его лице было написано колебание, как будто он хотел сказать что-то еще, но не решился. Эва вернулась к столу и начала собирать посуду.

– Что-то еще?

– Мне следует предупредить вас о том, что Лейн вовсе не такой приятный в общении, каким он мог показаться сегодня днем. У него настолько сложный характер, что он выходит из себя – чуть, что не по нем.

Она повернулась к нему и вытерла руки о передник.

– Что вы имеете в виду?

– Он непредсказуем.

– Я должна опасаться за свою жизнь? – Она поддразнивала его, едва сдерживаясь от смеха.

– Не думаю. – На лице Чейза Кэссиди не было и тени улыбки. Он хмурился.

– И вы серьезно...

– Похоже, Лейну вы пришлись по душе. И это был решающий довод, который побудил меня принять вас на работу. Утром я забираю всех своих людей, и мы отправляемся объезжать пастбища. А это означает, что вы остаетесь присматривать за Лейном до нашего возвращения.

– Ясно. – Значит, он нанял ее не только в экономки, но и в няньки к своему племяннику. Эва напрягла память, но так и не смогла припомнить ни одной главы из книги миссис Эплби, которая бы освещала проблему воспитания шестнадцатилетнего трудного подростка, обогнавшего ее по росту головы на полторы.

Чейз вздохнул, и его гнев сменился грустью.

– Когда меня не будет, проблем с ним намного поубавится. Я, похоже, являюсь для него наиболее сильным раздражителем.

Она бросила взгляд в направлении гостиной, вытерла руки о полотенце и подошла ближе, чтобы Лейн не смог услышать ее слов.

– Простите, что я сую нос не в свое дело, но мне кажется, что вам не следует делать Лейну замечания в присутствии остальных работников. Это унижает его, я уверена. Мальчик его возраста всегда воспринимает в штыки, когда ему начинают указывать, что ему делать, и уж тем более при посторонних.

Он оглядел ее с ног до головы и скрестил руки на груди.

– Да откуда вам знать, мисс Эдуарде? С чего это вы считаете себя специалистом по шестнадцатилетним мальчишкам?

Эва вспыхнула. Интересно, как бы он отнесся к тому, если бы она рассказала, что ей приходилось иметь дело со столькими сопляками, что и не сосчитать. Мальчишками вроде Лейна, которые жаждали своей первой в жизни выпивки и первой в жизни женщины. Некоторые из них были даже моложе Лейна.

– Никакой я не специалист, – парировала она, – но я же не вчера родилась. А вам бы понравилось, если бы вам делали замечания в присутствии других людей?

Уголки его губ слегка дрогнули.

– И именно поэтому вы ждали, пока мы останемся одни, чтобы прочитать мне нотацию?

– У меня и в мыслях не было вас обидеть, мистер Кэссиди. – Она переплела пальцы и прижала их к груди, но глаз не подняла. – Я просто хотела, как лучше.

– Никаких обид. Но предоставьте мне самому решать, как воспитывать Лейна. Когда я уеду, ваша задача – только следить, чтобы он посещал школу и не забывал делать уроки.

– Я нечаянно слышала спор по поводу школы, днем, как только приехала.

– Для женщины, которая пообещала не лезть в чужие дела, вы слишком уж интересуетесь моей персоной.

– Я вовсе не подслушивала. Просто вас слышно было в соседнем штате.

Чейз уже почти улыбался.

– Он требовал взять его на объезд пастбищ. А я не разрешил.

– Может, его нужно подтянуть по каким-нибудь предметам? Вы не будете возражать, если я с ним позанимаюсь?

– Ну что вы. – Он потер рукой затылок, а потом добавил: – Если он согласится.

Она начала собирать со стола оставшиеся тарелки и приборы.

– Когда вы отправляетесь? Должна ли я приготовить что-то к вашему отъезду?

– Мы выезжаем завтра утром. О своем снаряжении мы позаботимся сами.

– Вы долго будете отсутствовать?

– Три, максимум четыре дня. Мы должны собрать весь скот с открытых равнин. Как только вернемся, сразу начнем клеймить. – Он направился к двери и в последнюю секунду приподнял шляпу. – Если понадобится – я у конюшни.

– Я прослежу за тем, чтобы Лейн не пропускал школу, – заверила она.

Стоя на пороге, Чейз Кэссиди бросил на нее насмешливый взгляд.

– Успехов вам, мисс Эдуарде. И не забудьте, что вы почти вынудили меня взять вас на работу.

Чейз ступил на крыльцо, где уже ни зги видно не было, и чуть не сбил с ног Орвила Брауна. Он вполголоса выругался, но сумел удержать равновесие.

– Смотри под ноги, Кэссиди, – хохотнул старик-ковбой. – Я не хочу отдать концы, пока не настанет мой час.

– Прости.

– Хорошо, что я понимаю, где сейчас наверняка витают твои мысли. – Орвил снова расмеялся и поднес к губам чашку с кофе.

– Угу. – Не желая распространяться на предмет их новой экономки, Чейз поспешил к амбару, с наслаждением вдыхая свежий вечерний воздух, ведь он столько времени пробыл в душном помещении. Словно обрадовавшись, как и он, тому, что вырвались на свободу, его мысли немедленно направились в новое русло.

Чейз стоял у ближайшего загона, перекинув руки через верхнюю планку изгороди, и наблюдал за кобылой с новорожденным жеребенком. Поставив одну ногу на нижнюю планку, он дал глазам немного привыкнуть к темноте и, окруженный знакомыми звуками и запахами, немного успокоился. Но ни запах чернозема, взрытого лошадиными копытами, ни едкие испарения навоза, ни холодный ночной воздух не дали ему полного успокоения. Все его мысли возвращались к Эве Эдуарде. Образ девушки, такой, какой он видел ее в кухне, неотступно преследовал его.

Когда он пришел ужинать, на ее губах играла улыбка, ясная, как небо Монтаны, а ее волосы переливались всеми оттенками золота. Она переделалась в бело-розовое полосатое платье, которое сразу вызвало у него воспоминание о мятной карамельке. Оно было такое неприятное, но от него так и веяло мягкостью и женственностью, как и от нее самой. Простенький наряд выгодно подчеркивал достоинства ее ослепительной внешности. Щечки ее разругались от жара духовки, волосы были влажными от пара булькающих кастрюль.

Когда он увидел своих людей, которые стояли с отвисшими челюстями, глядя на нее во все глаза, он с тяжелым сердцем признался самому себе, что появление в его доме Эвы Эдуарде может повлечь за собой неприятности, в которых она и не будет виновата.

Не виновата же она в том, что так хороша собой.

И она была настоящая леди до кончиков пальцев.

Рано или поздно она соберется съездить в город, и там до ее ушей наверняка дойдут сведения о тех самых Кэсси. Трудно было поверить, что Милли Карберри раньше не воспользовалась случаем просветить ее на этот счет. Но если бы хозяйка магазина уже успела обработать Эву, она никогда бы не решилась претендовать на это место. А что подумает мисс Эва Эдуарде, когда откроется, что ее работодатель член одной из самых известных банд на Западе и целых девять лет просидел в тюрьме?

А если она и не побежит сразу же собирать вещи, надолго ли ее хватит, если Лейн как-нибудь вдруг вздумает расправиться с ней так же, как и с предыдущими экономками? Непохоже, что ей по силам совладать с мальчишкой. Прежние экономки были покрепче, не в пример мисс Эдуарде, но они не выдержали натиска Лейна.

Он услышал слабое бряцанье шпор и повернул голову. Рядом с ним из мрака вынырнул Рамон.

– Лошади готовы, – доложил он Чейзу с мягким испанским акцентом.

– Сколько их?

– У каждого будет пять в его *gemuda*³, – ответил он, имея в виду веревки для пойманных лошадей.

– Отлично. Правда, мы можем взять с собой еще одного человека.

Чейз почувствовал, как размышляет Рамон. Он знал, что его помощник слов на ветер не бросает, а тратит их скупно, словно золотые монеты.

– Почему бы не взять с собой мальчика? Он так хотел.

– Я уже отказал ему. И потом, я не хочу, чтобы он пропускал школу.

– Тебе бы стоило поменьше давить на него, *amigo*⁴. И он сам залижет свои раны.

---

³ Седельных сумках (исп.).

⁴ Дружище (исп.).

– Вы что, сговорились сегодня все, что ли? Сначала Эва, теперь вот Рамон. Чейз вспомнил прежние времена, те годы, когда они с Рамоном сидели в тюрьме, в одной камере. У них вошло в привычку подолгу беседовать по ночам. Если бы не Рамон, Чейз бы сошел с ума. Он знал, что его друг хочет помочь им с Лейном наладить отношения, но Чейза нельзя было заставить изменить мнение по одному вопросу: он был уверен в необходимости строгой дисциплины для мальчика и посещения школы.

Пока он сидел в тюрьме, мальчишка совсем не учился. Теперь, когда Чейз вернулся, он пытался наверстать упущенное и твердо вознамерился заставить племянника ходить в школу и не создавать себе и окружающим проблем. Он хотел только одного – чтобы сын его сестры не пошел по его стопам. Он готов был все сделать для Лейна, но не знал, с чего начать. С тех пор, как Чейз привез Лейна обратно домой, мальчик встречал в штыки любые попытки сблизиться с ним. Он ненавидел любое давление на свою личность, особенно исходившее от их предыдущих экономок.

Наконец Чейз кивнул Рамону.

– Ему воли давать нельзя, по крайней мере сейчас. Ничего другого он не заслуживает.

Рамон вытащил кيسет с табаком из внутреннего кармана. Он был способен свернуть папиросу так же ловко в кромешной тьме, как и при свете дня.

– Эта женщина muy hermosa.⁵

Чейз был абсолютно согласен.

– Да, она очень красива.

Рамон выпустил колечко дыма и продолжил.

– Она не та, за кого себя выдает.

Ночь была безлунная, поэтому Чейз не мог видеть выражения лица своего помощника, только его смутные очертания. На чердаке скрытого в темноте сарая заухал филин и захлопал крыльями.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Откуда она взялась?

– Мисс Эдуарде с востока. Говорит, что ее мать умерла, поэтому ей нужна работа.

– И ты ей поверил?

Чейз кивнул, думая о слезах, которые медленно струились по щекам Эвы.

– Более чем. А что тебя смущает?

– Конкретно то, зачем она сюда явилась. Она может быть послана твоими врагами, чтобы втереться к тебе в доверие, найти твои слабые места.

Чейз недоверчиво хмыкнул.

– Зачем прибегать к таким уловкам, если они точно знают, где меня найти? Они могут приехать и разобраться со мной собственноручно. Кроме того, братья Хант все еще отбывают срок, а сидеть им осталось еще больше десяти лет. На твоём месте я бы о мисс Эдуарде не беспокоился. Кроме того, когда она узнает правду обо мне, она наверняка здесь надолго не задержится.

Они еще какое-то время стояли молча. Наконец Рамон подал голос.

– Я пошел спать. – И швырнул на землю окурок.

Чейз смотрел на красный огонек, описавший в воздухе дугу и угасший на земле в центре загона.

– Спокойной ночи, – попрощался по-испански Чейз с отсутствующим видом. Мыслями он сейчас был на кухне. Туда же были устремлены его глаза. Он увидел, как неяркий огонек лампы промелькнул в окошке на двери черного хода, а потом исчез.

---

⁵ Очень хороша (исп.).

Чейз зябко поежился, попытавшись представить себе, чем сейчас занимается Эва в своей комнате рядом с кухней. Те немногие красивые женщины, с которыми ему доводилось проводить время, были продажными, и за их услуги приходилось платить. И вот теперь красивая женщина поселилась под его крышей. Его мысли потекли по неприличному руслу со скоростью разъяренного быка, вырвавшегося на свободу. И он никак не мог от них избавиться.

Ведь так легко представить себе Эву в ореоле рассеянного света одинокой лампы, скользящего по ее огненным волосам. Одна, предоставленная самой себе, расшнуровывает ли она лиф платья? Замрет ли она на мгновение, прислушается и, убедившись, что никто не застанет ее врасплох, освободит от платья плечи?

Не требовалось обладать богатым воображением, чтобы представить себе ее плечи цвета слоновой кости, нежные круглые холмики ее груди, вздымающиеся под тонкой нижней рубашкой. Она медленно выскользнет из платья и переступит через него. Точеные бедра и ножки охватит холодный ночной воздух. Закутается ли она до самых щиколоток в изысканную белую ночную сорочку или так и остановится, полунагая, перед зеркалом, расчесывая волосы?

Впрочем, ему ли гадать, чем занимаются перед сном настоящие леди.

От этих фантазий он возбудился, вытер вспотевшие ладони о штаны, сунул руки в карманы и вполголоса выругался.

Да, ему нужна была экономка, но, черт побери, не такая, которая заставляла бы его думать о ней постоянно.

На полпути в гостиную, из которой он попадал в собственную спальню, какой-то легкий шорох заставил его насторожиться, подобно охотничьему псу. Рука инстинктивно потянулась к бедру, но схватила воздух. Он давно уже не носил оружия, но старые привычки давали о себе знать.

Слабый свет камина бросал отблеск на силуэт Эвы.

– Что вы тут делаете? – это прозвучало еще более грубо, чем он хотел. Она вздрогнула, и ее глаза расширились. Вопреки его фантазиям, она не переоделась, оставшись все в том же полосатом платье. Она выглядела усталой. Ее ослепительная наружность немного потускнела из-за глубоких теней, залегших у нее под глазами.

– Я прошу прощения, я... – она подошла ближе и понизила голос, бросив взгляд на дверь спальни Лейна. – Я просто хотела зажечь лампу, чтобы вы не бродили по дому в темноте...

Все женщины, которых он нанимал раньше, в общем, заботились о нем. Всем им работа нужна была позарез, поэтому они и старались, несмотря на его дурную репутацию. У двух из них был кое-какой опыт работы, но ни одной не пришлось бы в голову оказывать ему услуги, выходящие за рамки их обязанностей. Эва Эдуарде не знала точно, оставили ли для него свет, поэтому решила сама позаботиться об этом.

Его охватило потрясающее ощущение, запретное тепло, которое было для него табу в течение долгих лет. Давно уже никто не проявлял о нем заботу, не интересовался его нуждами. И вот теперь эта женщина, по сути, совершенно чужая, беспокоится о том, чтобы он не остался в темноте.

Он сам испугался нахлынувших на него чувств, которые размягчили его очерствевшее сердце. Нельзя позволять себе раскисать в ее присутствии. Он просто не должен этого делать. Они принадлежат двум разным мирам.

– Мистер Кэссиди?

– Не утруждайте себя в следующий раз, – холодно бросил он.

Она подошла ближе, пристально всматриваясь в него, как будто пытаясь понять, что же он за человек. Правда уже вертелась у него на языке, но потом он спохватился: если он выложит ей все – она тут же уедет – и Лейна на время весеннего табунирования придется оставить дома одного.

Она произнесла едва слышно, почти прошептала:

– По каким-то причинам вы меня недолюбливаете, мистер Кэссиди. Я бы хотела выяснить, почему, мы ведь едва знакомы.

– Дело не в том, что вы мне не нравитесь, а в том, что здесь вам не место, – отрезал он. – Мне вовсе не улыбается мысль оставить Лейна на ваше попечение, но одного бросить я его тоже не могу, как не могу дольше откладывать поездку. Когда я принимал вас на работу, то находился в безвыходном положении, и я надеюсь, что вы не заставите меня разочароваться.

– Но с чего бы это? Вы сами признали, что готовить я умею. Я могу чинить одежду. Я могу подтянуть вашего племянника в учебе. Вы уже дали мне шанс. А если вы продолжаете беспокоиться о моей репутации...

– Ваша репутация, вне всякого сомнения, безупречна.

На мгновение ее прекрасный лоб прорезала морщинка, но она так быстро взяла себя в руки, что он решил, что ему это почудилось.

– Если вы решили, что я не справлюсь с Лейном, мистер Кэссиди, то, вероятно, вас ввел в заблуждение мой внешний вид. Но, поверьте мне, внешность порой бывает обманчива.

– Вы совершенно правы. – Кому, как ни ему, знать это!

Она подошла к стоявшему у стены маленькому органу и провела пальцем по дубовой крышке клавиатуры.

– Вы играете? – спросила она, взглянув на него поверх плеча.

Он покачал головой, но потом сообразил, что в полутьме она этого может не увидеть.

– Нет. Играла моя сестра, Салли.

– О! – Эва оперлась одной рукой на инструмент. – Мать Лейна?

– Да.

– А что с ней случилось?

Он инстинктивно почувствовал, что она собирается задать этот вопрос. Он начал было отвечать, но его горло точно сдавило железной рукой, и он судорожно сглотнул. Эва ждала. Наконец он вымучил:

– Она умерла.

– Мне очень жаль.

– Мне тоже. – Он знал, что лучше было бы просто пожелать ей спокойной ночи, но она, стоящая спиной к огню, сконцентрировавшая на нем внимание и вызывающая его на откровенность, будто взяла его в плен. Ее присутствие удерживало его здесь.

– Лейну, должно быть, тяжело было пережить это.

– Тяжело.

Она заметила, как его брови слегка сдвинулись, и поняла, что его мысли занял Лейн и его утрата.

– Я буду очень стараться, мистер Кэссиди. Не волнуйтесь за Лейна, пока будете в отлучке. Спокойно занимайтесь своими делами.

Не в силах сдержать улыбку, Чейз на мгновение прикрыл глаза и тряхнул головой.

– Постараюсь, мисс Эдуарде, – заверил он ее. – Я очень постараюсь.

Прижавшись к стене, полностью одетый, Лейн сидел на кровати в полном мраке, держа на коленях оружие. Заряжать и разряжать самовзводный револьвер «Смит и Вессон» в темноте было его излюбленным развлечением, которое ему никогда не наскучивало. Иметь при себе оружие означало чувствовать себя сильным и уверенным. С того времени, как он стал носить оружие, мечтая испытать его в действии, он был уверен в том, что никто не сможет причинить ему вреда, никто не одолеет его.

Он крутанул барабан и прицелился в туманное очертание двери. Потом медленно, осторожно положил револьвер на кровать и прикинулся, что забыл о нем. Потом, будто услышав

какой-то шорох за окном, выбросил вперед руку, в мгновение ока схватил револьвер и прицелился в воображаемую жертву.

У него была такая же быстрая реакция, какую молва приписывала Чейзу. Он мог даже не проверять уровень своего мастерства. Он тренировался, как только выпадал случай. Револьвер легко выходил из кожаной кобуры с вытисненной розой и так же легко входил обратно. Пока ему доводилось стрелять только по учебным мишеням, но он знал и о том, что его оружие способно калечить и убивать. Другой владелец доказал бы это в два счета.

Лейн наощупь нашел кобуру и сунул в нее револьвер. Потом положил портупею на постель рядом с собой и закинул ногу на ногу. Это просто удивительно, что его дядюшка все еще продолжает беседовать с Эвой Эдуарде. Да этот неотесанный тип в жизни никому вежливого слова не сказал. Тем не менее, из-за закрытой двери до Лейна доносились их приглушенные голоса.

А как бы среагировала мисс Эва, если бы он продемонстрировал ей свое искусство владения оружием? Такая изнеженная барышня, как она, наверняка бы грохнулась в обморок.

Он на мгновение дал волю фантазии и представил себе, как Эва ахает и охает, пока он с молниеносной быстротой и поразительной ловкостью расправляется с воображаемым врагом. А потом с такой же быстротой прячет оружие в кобуру и успевает подхватить ее, лишившуюся чувств и уже готовую рухнуть наземь. А потом он прижмет ее к груди и положит к себе на колени.

А что если он поцелует ее? От этой мысли Лейна бросило в жар, и кровь побежала по его жилам. У него так запульсировало в висках, что он отложил оружие и начал их яростно тереть. Неосознанный страх вдруг родился в его душе, тот самый глухой ужас, который охватывал его всякий раз, как он вспоминал обстоятельства смерти своей матери и то, что ему пришлось пережить после.

А где был Чейз, когда он в нем так нуждался?

За решеткой.

По мнению дядюшки, отсидка стоила вины, потому что Чейз Кэссиди угодил в тюрьму не только за то, что был членом одной из самых опасных банд на диком Западе, но и за то, что он отомстил за смерть своей сестры.

Но эти годы лишили Лейна обоих. Как Чейз никогда не сможет эти годы вернуть, как не сможет исправить то, что за время его отсутствия произошло, так Лейн никогда не сможет простить его.

И вот теперь Чейз вернулся и вознамерился обращаться с ним, как с ребенком. Такое унижение он едва мог вынести. Сегодня днем он опозорил его перед всеми работниками, заявив, чтобы он перестал канючить, чтобы его взяли на выезд. А потом, в присутствии мисс Эдуарде, чуть не приказал вымыть руки перед ужином, как будто он малолетка какой-нибудь.

Он вздрогнул, как от выстрела, от звука захлопнувшейся двери дядиной спальни, скорчился на кровати и уткнулся на стену, разделявшую их комнаты. Страх, который мучил его раньше, начал потихоньку уползать назад, туда, откуда он появился, в самый темный уголок его души.

Чейз продолжал занимать его мысли, и он чуть не плакал от злости на единственного родственника, который обращался с ним, как с несмышленьшим. К тому же Чейз Кэссиди вообще не имел на это права. После всех этих лет.

Лейн встал и нырнул под кровать, безошибочно нащупав свою седельную сумку, которую там прятал. Револьвер он сунул в кобуру, а кобуру – в сумку, а потом затянул перехватывающие ее ремни. Скоро уже утро, Чейз не из тех, кто позволит ему бить баклуши вместо того, чтобы идти в школу.

Он стянул с себя льняную сорочку, потом сбросил сапоги и штаны и растянулся поверх одеяла. Только одно обстоятельство примиряло его с тем, что Чейз с ребятами уедет, а ему придется сидеть дома: присматривать за ним поручили мисс Эве.

ГЛАВА 4

Последние аккорды органа растворились в неподвижном теплом воздухе, наполнявшем гостиную. Эва закрыла нотную тетрадь, затем откинулась на спинку стула и вздохнула. Страхнуть с себя оковы, связывающие ее с прежней жизнью, оказалось тяжелее, чем она думала. Прошлое особенно напоминало о себе вечерами, когда пустота и безмолвие дома начинали тяготить ее. Она обнаружила, что с нетерпением поджидает возвращения Лейна из школы. Чейз и остальные отсутствовали уже примерно неделю, и за все это время Лейн не доставлял ей никаких хлопот. Он был общительным, если не сказать чересчур говорливым. Она понемногу привыкла к его манере то и дело улыбаться, не показывая своих подлинных чувств. Они часами занимались какими-нибудь делами, и каждый раз он добровольно вызывался ей помочь. Он много рассказывал о ранчо, но ни разу ни словом не обмолвился о своем дяде, о школе или о друзьях, которые у него, наверное, были.

Она встала, потянулась и направилась к окну. За эту неделю она переделала кучу дел, зато теперь в доме был порядок, а готовить ей приходилось только для себя и для Лейна, поэтому она обнаружила, что у нее полно свободного времени.

Она и Лейн очень приятно проводили время вместе. Он поднимался рано и ехал осматривать угодья. Собираясь уходить, он стучался в дверь комнаты Эвы и будил ее. Эва одевалась, готовила ему завтрак и собирала еду с собой в школу, а после его ухода начинала печь хлеб, прибирала в доме и застилала постели. До сих пор ей не приходилось самой заниматься стиркой, но она прилежно изучила, как проходит этот процесс, по книге.

Отодвинув одно из потертых одеял, занавешивающих окно, она смотрела на бескрайние просторы равнин. Через пару минут она заметила на горизонте силуэт одинокого всадника. Когда Кудлатый залаял, соскочил с крыльца и резво помчался навстречу, Эва не сомневалась, что это Лейн возвращается. Вдруг оказалось, что ей доставляет удовольствие делать с ним уроки, потому что мальчик по-настоящему расслаблялся только тогда, когда они вдвоем усаживались за кухонным столом. И выяснилось, что ей временами даже удается его рассмешить.

Поспешив в кухню, она достала из хлебного ларя, стоявшего у дверей, тарелку с рассыпчатым печеньем. Лейн уже въехал во двор, но, прежде чем войти в дом, расседлывал, кормил и поил свою лошадь. Наконец он вошел через черный ход. Его седельные сумки были переброшены через плечо. А сам он улыбался одними уголками губ.

– Как дела в школе? Улыбка мгновенно потухла.

– Все нормально. – Он пересек кухню и направился прямо в свою комнату.

Вернулся он через несколько минут, держа в руках тетрадку для письменных работ, ручку и пузырек чернил. Он разложил все это на столе и пододвинул стул.

– Я думала, что мистер Кэссиди вернется домой раньше, – заметила она, садясь за стол напротив него.

Лейн передернул плечами и бросил на нее отсутствующий взгляд, который у него получался сам собой. Его угольно-черные глазницы абсолютно ничего не выражали. Он плюхнулся на стул и потянулся за печеньем.

– По-моему, они забрались гораздо дальше на север, чем предполагали. Вероятно, их нужно ждать, самое позднее, к завтрашнему вечеру.

– А ты беспокоишься? – поинтересовалась она непринужденно.

Рука с печеньем замерла на полпути ко рту. Он, казалось, был застигнут врасплох ее вопросом.

– Нет. С чего бы это вдруг?

– Разве это не опасное занятие, пасти скот?

– Не думаю, что мой дядя считает это опасным.

– Но я слышала, что это именно так. И я просто хотела знать, волнуешься ли ты за него, только и всего.

Она решила, что он ответит откровенностью на ее откровенность. Не тут-то было.

– Я никогда не волнуюсь за дядюшку Чейза. Он в состоянии сам о себе позаботиться.

Она взглянула на тарелку с печеньем и потянулась к ней, чтобы подвинуть один сладкий кружочек, который едва не вываливался через край, а потом опять подняла глаза на Лейна.

– Ты знаешь, Лейн, я же не слепая и не могу не видеть, какие между вами двоими напряженные отношения.

– Может, приступим? – Он явно был не прочь сменить тему.

По его мрачному тону, она поняла, что дальше продолжать задавать вопросы, затрагивающие щекотливые моменты, бесполезно.

– Да, и вот еще что. Скажи, а не мог бы ты завтра свозить меня в город?

Поскольку Чейз Кэссиди находился в отлучке дольше, чем она рассчитывала, Эва решила посвятить субботу поездке в город за кое-какими покупками. Это путешествие даст ей возможность осмотреться, возможно, познакомиться с новыми людьми и закупить провизию.

– В город? Она улыбнулась.

– Ну да, в город. В Последний Шанс. Мне нужно зайти к Карберри, пополнить кое-какие запасы. Мне кажется, что в кладовой твоего дяди не хватает многих приправ, и потом это ведь очень здорово – проветриться и осмотреться. А самое подходящее время для этого – когда остальные отсутствуют.

Похоже, подобная перспектива не привела его в восторг, однако он, пожав плечами, согласился.

– Думаю, завтра утром я могу быть в вашем распоряжении.

– Вот и чудесно. А теперь приступим к работе. Что на сей раз?

– Математика. Я уже понял, что с этим у меня самые большие нелады, – пробурчал он, не поднимая глаз.

Она подалась вперед, положила локти на стол и улыбнулась.

– А я бы хотела сегодня дать тебе письменное задание. Так я проверю, как у тебя обстоят дела с грамматикой и орфографией. А математикой мы и так каждый день занимаемся.

– Вы хотите, чтобы я что-то написал!

Эва кивнула. Она взяла тетрадь, открыла ее, положила на стол и пододвинула к Лейну.

– Что если... – Она барабанила пальцами по столу, задумчиво уставившись в потолок. – Что если тебе описать любимое детское воспоминание? Заголовок – на твой вкус.

Его глаза, устремленные на нее, были пустыми, почти мертвыми. Эва ободряюще улыбнулась.

– Приступай. Время неограниченно. Пиши о чем-то, что ты запомнил, что произошло с тобой, когда ты был еще маленьким. А я займусь приготовлением ужина. – Она послонялась по кухне, покопалась в бочонке с солониной, стоявшем в кладовке, затем выбрала несколько картофелин из мешка – оба Кэссиди обожают картошку и предпочитают ее всем остальным овощам.

Занявшись чисткой картофеля, Эва одновременно обдумывала целый комплекс упражнений, которые помогли бы ей разобраться в проблемах мальчика. Затем, решив, что тишина как-то затянулась, она подняла голову и обнаружила, что с того момента, как она дала Лейну задание, он даже не пошевелился.

Его плечи были напряжены, спина прижата к спинке стула, глаза превратились в щелочки – так нависли над ними темные брови. Обе его руки лежали на столе ладонями вниз. Он даже не сделал попытки взять ручку и просто продолжал бессмысленно пялиться на чистую страницу тетради.

– Лейн?

Он вздрогнул, оторвавшись от своих мыслей, так резко, как будто она ударила его. Когда он поднял на нее глаза, она чуть не отпрянула назад, напуганная сверкавшей в них глухой яростью.

– Лейн, что случилось? – прошептала она. Перемена, которая произошла с ним в считанные секунды, была столь разительна, что ее всю затрясло.

– Не буду я этого делать!

Неистовая злоба вырвалась наружу, подобно лаве из жерла вулкана. Он так резко вскочил со стула, что тот перевернулся и грохнулся на пол. Его руки сжались в кулаки. Грудь тяжело вздымалась. С диким видом подскочив к столу, он схватил пузырек с чернилами и швырнул его в сторону. Тот перелетел через всю комнату и врезался в стену. Стекло разлетелось вдребезги, забрызгав все чернилами.

– Лейн, – мягко произнесла Эва, протянув к нему одну руку, как будто призывая его утихомириться. – Все в порядке, Лейн. Мы смоем чернила, а потом попробуем сделать что-нибудь еще.

– Нет. Больше никаких уроков. Не сегодня. Эва почувствовала, что ее колотит, как в ознобе.

Что же такое на него нашло? Уж не одна ли это из вспышек бешенства, о которых предупреждал Чейз?

– Ну ладно, – медленно произнесла она. Тон ровный. Голос не повышать. Надо казаться невозмутимой и спокойной. – Если ты не в настроении сегодня, мы больше заниматься не будем. Подними стул и убери свою тетрадь. Отмой пока чернила, а я тем временем накрою на стол.

Она видела, какие усилия он прилагает, чтобы взять себя в руки и хоть немного отдышаться. Он все еще продолжал смотреть на тетрадь, как на ядовитую змею, а потом пнул ногой стул и бросился вон из кухни.

Не собираясь оставлять его в таком состоянии, Эва шла за ним по пятам. Она вошла в его комнату, причем ей пришлось приложить немало сил, чтобы открыть дверь, которую Лейн чуть не захлопнул перед ее носом.

– Не спешите, молодой человек, – сказала она с максимальной строгостью, на которую была способна, твердо намереваясь не пойти по стопам прежних домоправительниц. Она не собиралась позволять шестнадцатилетнему балбесу помыкать собой, как ему вздумается, независимо от того, насколько он высок, силен и зол.

– Предупреждаю, Эва, лучше оставь меня в покое.

Она замахала пальцем у его носа.

– И я тебя предупреждаю. Твой дядя оставил меня тут следить за порядком. И если я велю тебе вести себя прилично и убрать весь этот кавардак на кухне, значит, так оно и будет.

Он шагнул к ней. Руки его были стиснуты в кулаки. Он даже трясся от едва сдерживаемой ярости. Эту ярость выдавало его искаженное лицо. Неприкрытая враждебность, сверкавшая в его глазах, напугала ее, но ей доводилось противостоять и более взрослым, и более крепким мужчинам, нежели Лейн Кэссиди. И теперь она не собиралась идти на попятный.

Эва набрала в легкие побольше воздуха, чтобы успокоиться, поскольку хоть один из них двоих должен был сохранять ясность мышления.

– Слушай, – начала она, понизив голос, но без всяких там заискивающих ноток. – Мне нужна эта работа. Если ты хочешь выжить меня отсюда, то знай: для этого нужно больше, чем твои дурацкие мелкие пакости.

Лейн испытующе смотрел на нее, будто не веря, что она осмелилась противостоять ему. Он ничего не сказал.

– Ну, намерен ты объяснить мне, что на тебя нашло?

– Нет!

– Отлично. Но я, по крайней мере, могу рассчитывать на то, что ты наведешь в кухне порядок?

– Это твоя работа.

Она покачала головой, с трудом сдерживаясь от искушения пустить в ход ногти.

– Все не так, как ты себе представляешь. Ты сделал это нарочно. Поэтому я вправе требовать, чтобы ты сам и убрал.

В нем кипела внутренняя борьба. Это легко читалось в его глазах. Эва решила дать ему возможность все хорошенько обдумать самому.

– Я иду на кухню готовить ужин. И я рассчитываю, что чернила будут оттерты до того, как мы сядем за стол. – Эва направилась в сторону кухни.

– А вы уедете, когда дядя Чейз вернется? Она резко повернулась к нему. Теперь его лицо выражало беспокойство, пришедшее на смену ярости.

– Я уже сказала тебе, мелких пакостей недостаточно, чтобы выжить меня отсюда.

– А вы скажете ему?

– Нет, если останусь довольна конечным результатом. – Она снова повернулась и направилась к выходу.

– Эва? – по его нерешительному тону она поняла, что одержала победу.

– Что?

– Извините.

Задержавшись на пороге кухни, она бросила на него взгляд и улыбнулась.

– Это только начало. Принеси ведро воды, а я поищу для тебя несколько тряпок. К тому времени, как ты вернешься, все будет готово.

Преисполненный молчаливой благодарности за то, что Эва не упоминала о вчерашнем скандале, Лейн безропотно повез ее в субботу в город. Слава Богу, что она была по натуре отходчивой и болтала всю дорогу. И хотя он охотно отвечал на ее многочисленные вопросы о природе, о том, какая птица полетела, о том, учился ли он когда-нибудь играть на органе своей матери, Лейн тем больше замыкался в себе, чем ближе они подъезжали к городу.

Памятуя об инциденте с разлитыми чернилами, он старался во всем угождать Эве, и, что поразительно, это давалось ему без особого труда. Более чем, деликатно напоминая ему о его повседневных обязанностях, она никогда не пыталась наседать на него, как это делали другие экономки. Когда они сидели вдвоем за спокойной трапезой, оказывалось, что ее общество ему даже приятно. Вдобавок, она трогательно заботилась о нем и, самое главное, обращалась с ним, как с взрослым. Благодаря этому он сдержался, когда она вчера стояла перед ним, и не выкинул чего-нибудь похлеще.

Узнав ее получше и убедившись, что она не такая уж плохая, Лейн поймал себя на мысли, что готов Бога молить, чтобы Эва не уехала, если всплывет что-нибудь из темного прошлого его дяди. А какие-нибудь доброты могут ей скоро об этом донести. Лейн втайне надеялся, что в этот раз все обойдется. Сейчас он всю фантазировал, что будет, если Эва вообще никогда не уедет с ранчо, никогда не узнает, что его дядя был преступником. Может, это глупая юношеская мечта – думать, что такая добросердечная леди, как Эва, еще поживет у них. Но это была его единственная мечта за много лет.

Они начали подниматься на холм, за которым уже начинались окраины города. Здания выстроились в шеренгу вдоль Мейн-стрит, как деревянные солдаты на параде. По случаю субботы движение было более оживленным, чем обычно, но Лейн успешно лавировал между чужими повозками. С ними поравнялся кабриолет, управляемый мужчиной, в котором Лейн узнал отца своего одноклассника. Этот пожилой мужчина очень гордился своей длинной седою бородой. Взглянув в их сторону, тот узнал Лейна и тут же перевел взгляд обратно на свою упряжку мулов, не удостоив его даже кивком в качестве приветствия.

Лейн украдкой взглянул на Эву. Если она и заметила, что прохожие, толпящиеся на тротуарах, бросают на них любопытные взгляды, то виду не поддала. Он снова дал волю воображению и представил себя лет на десять старше... Он мог поклясться, что не позволил бы никому перешептываться за своей спиной или смотреть на него свысока. За десять лет он сумел бы сделать себе громкое имя. Ее слова донеслись откуда-то издалека и прервали ход его мыслей.

– Сначала нам нужно заехать к Карберри.

Лейн оглянулся и обнаружил, что она улыбается ему. Он почувствовал, как что-то будто кольнуло его в самое сердце. Он не в состоянии был ни слова вымолвить в ответ.

Какой глупостью было надеяться, что она задержится у них надолго. Лучше бы Чейз отказал ей в месте до того, как он узнал ее ближе, до того, как она начала терпеливо заниматься с ним, до того, как она стала с такой добротой и лаской заботиться о нем. Когда она смотрела на него, в ее глазах не было страха или неудовольствия, только понимание и сочувствие.

Но что толку теперь размышлять над этим... Лейн подогнал повозку ко входу в магазин Карберри, остановился и откинулся на спинку сидения.

Поначалу он даже решил не помогать ей спуститься из повозки. Но разве это удержало бы Эву от ее добровольно взятой на себя миссии? Тогда он спрыгнул вниз и обошел повозку, чтобы помочь Эве спуститься, и отступил в сторону, чтобы дать ей пройти.

– Я подожду здесь, – заявил он, надвигая на лоб шляпу. Он скрестил руки, привалился спиной к колесу повозки и смотрел Эве вслед.

Эва отряхнула дорожную пыль с подола своего полосатого платья, поправила очень модную маленькую шляпку и решила не обращать внимания на не слишком любезное поведение Лейна. Он вроде был в полном порядке, когда они уезжали с ранчо, но у него такой переменчивый характер, прямо как погода весной.

Направляясь по тротуару к магазину Карберри, она с любопытством осматривалась по сторонам – похоже, городок вполне процветает. Мейн-стрит была заполнена разного рода фургонами, тележками, повозками и всадниками. Старатели и фермеры сторонились наемных ковбоев и оборванных бродяг, сидевших на деревянных тротуарах напротив магазинов.

Напротив красовалась кричащая вывеска, расписанная красной, голубой и желтой красками. Она призывала не проходить мимо салуна Последнего Шанса. Эва заморгала при виде пышной высокой блондинки, стоявшей прямо за вертящимися дверьми. Девушка казалась немногим старше, чем Лейн. Разряженная в черные кружева и зеленые перья, барменша прислонилась к дверному косяку и разглядывала прохожих. По спине Эвы пробежала дрожь, поскольку ей было знакомо состояние «дежа вю». Интересно, мечтает ли эта девушка в корне изменить свою жизнь, так же, как когда-то мечтала она сама?

Переключившись на свои собственные заботы, Эва вошла в центральный магазин. Торговый зал был просто забит товарами. В боковых проходах теснились бочки и ящики, наполненные продуктами.

Фермерский инвентарь и окорока свисали с потолка наподобие диковинных сосулук. Эва постояла немного на пороге, вытаскивая из сумки список необходимых покупок, затем прошла дальше. Там, где в магазин через витрины проникал свет, было светло, но дальше помещение окутывалось полумраком.

Старик с таким же, как он, дряхлым спаниелем сидел на колченогой табуретке посреди зада, опершись одной рукой о прилавок. Когда Эва подошла, он поднял на нее затуманенный взор и расплылся в радушной беззубой улыбке. Выбрислся он скверно, оставив тут и там островки щетины, от чего его подбородок отливал серебром. Щеки были испещрены паутиной красных сосудиков.

Так громко, что можно было оглохнуть, он поинтересовался:

– Вам нужно что-нибудь особенное, маленькая мисс?

Она улыбнулась в ответ приветливому старику.

– Боюсь, что мне нужно совсем немного, сэр. Без всякого предупреждения старик завопил:

– Милли, иди сюда, копуша. Есть работенка.

Подвижная, тощая, как щепка, женщина, с которой Эва едва перекинулась парой слов в день своего приезда, ворвалась в зал через дверь подсобки, наскоро вытирая руки о передник. Милли Карберри остановилась, как вкопанная, узнав Эву, и быстро опустила подол влажного передника вниз.

– Чем могу быть полезна?

Эва заметила, что глазки женщины сверлят ее очень подозрительно, но собралась с духом и, стараясь не показывать своего беспокойства, начала перечислять:

– Мне нужно совсем немного... – Она сделала длинную паузу и не удивилась бы, если бы миссис Карберри отказалась обслуживать ее, но женщина просто молча стояла и глазела на нее. Эва прочистила горло. – Мне нужны корица, гвоздика, если это у вас есть. Потом чай, уксус и пузырек черных чернил. Ах, да, если у вас найдется мед...

– Найдется. Это все?

– Пока да, – ответила Эва, но тут же поспешно добавила: – Я бы хотела еще досмотреть, если можно.

– Не возражаю. Следуйте за мной, если вам угодно. – Миссис Карберри отвернулась и поспешно начала собирать заказ Эвы, когда старик наклонился и потрепал за ушами спаниеля.

– Вы нездешняя? – гаркнул он.

Эва не успела ответить – какое-то движение у входной двери привлекло ее внимание. Она увидела в дверях молодую женщину. Эва улыбнулась, любясь незнакомкой. У той были огромные голубые глаза, чудесно контрастирующие с темными волосами и нежным личиком. Одета по последней моде в льняное клетчатое платье, с наброшенной на плечи шалью цвета морской волны, девушка выглядела несколькими годами моложе Эвы. Она задержалась на пороге и стояла довольно долго, разглядывая через плечо что-то на улице, что привлекло ее внимание.

– Я спрашиваю, вы нездешняя! – старый чудак, сидевший на табуретке, прыснул, когда Эва аж подпрыгнула, оглушенная его воплем.

Она виновато улыбнулась молодой женщине, которая сосредоточила внимание на банках с разными желе.

– Я – экономка на ранчо мистера Кэссиди «Конец пути».

Голова миссис Карберри вынырнула из-за прилавка. Ее глаза были размером с чайные блюдца.

– Вы взялись за эту работу? Вы действительно намерены там остаться?

Улыбка Эвы стала еще шире.

– Я рассчитываю остаться в этой должности, пока я буду нужна мистеру Кэссиди...

Милли Карберри фыркнула.

– Да уж, мистеру.

– Прошу прощения. – Брюнетка с блестящими голубыми глазами подошла к Эве и тронула ее за руку, чтобы привлечь к себе внимание. То ли девушка стеснялась, то ли еще что-то, но она вела себя как-то нерешительно.

– Если вы из «Конца пути», я бы хотела минуточку поговорить с вами, если вы не возражаете.

– Конечно, нет, мисс...

– Олбрайт. Рэйчел Олбрайт. Я – учительница Лейна.

Эва на мгновение лишилась дара речи. Мисс Рэйчел Олбрайт по виду была немногим старше самого Лейна. Бросив взгляд в сторону прилавка, она заметила, что Милли Карберри ушла в глубь помещения и начала карабкаться по приставной лестнице, чтобы достать запыленную бутылку чернил с верхней полки.

– А я – Эва Эдуарде, новая экономка у Кэссиди. Чем я могу вам помочь?

И она приготовилась слушать. Это было так чудно – меньше чем две недели тому назад она танцевала три номера за ночь во «Дворце Венеры», а теперь стоит посреди центрального магазина, как и любой другой добропорядочный гражданин, и беседует с местной учительницей, пока продавец выполняет ее заказ. Она хотела даже ущипнуть себя, чтобы проверить, не грезит ли наяву. Как бы ей хотелось, чтобы Джон был здесь и разделил ее радость.

– Мне действительно необходимо обсудить с кем-нибудь дела Лейна, – начала мисс Олбрайт.

– А что, есть проблемы?

Глаза молоденькой учительницы смотрели открыто и доверчиво. Она кивнула.

– Боюсь, что так. Видите ли...

И тут на улице прогремели два выстрела. Реакция Эвы была молниеносной и непроизвольной. Она схватила учительницу за руку, толкнула ее на пол и сама нырнула следом. Они так и лежали бок о бок, пока выстрелы не смолкли, а на смену им пришли громкие крики.

– Там Лейн, – внезапно вспомнила Эва, и ее охватила паника при мысли о том, что в него может угодить шальная пуля. Она в мгновение ока вскочила на ноги. Бросившись к двери, она услышала, что Рэйчел Олбрайт бежит за ней следом, чуть не наступая ей на пятки.

Выскочив на улицу, она замерла на месте. У повозки, которую Лейн привязал к столбику у входа в магазин, никого не было. Эва, у которой сердце в пятки ушло, бросилась туда, где у входа в салун начинала собираться толпа.

– Что там такое? – прошелестел за спиной голос Рэйчел. Эва не сбавляла темп. Добежав до группки людей, она начала расталкивать двоих дюжих молодых. Мисс Олбрайт не отставала. Эва увидела, как высокий широкоплечий мужчина с рыжевато-каштановыми волосами и звездой шерифа, приколотой к кожаной безрукавке, помогал раненому молодому ковбою в парусиновой куртке подняться с земли. Раненый прижимал руку к ране на левом плече, но не мог остановить струйки крови, которая сочилась у него между пальцев. Револьвер лежал тут же, рядом с местом происшествия.

Эва сдавленно вскрикнула, узнав Лейна. Он стоял напротив шерифа и жертвы, окруженный кольцом зевак. Его глаз почти не было видно из-за надвинутой на лоб шляпы. Рот был сжат в твердую упрямую линию. Она тут же заметила кобуру, висевшую у него на бедре. В правой руке он держал револьвер.

– Точь-в-точь его дядюшка, – прошипел кто-то сзади.

– Яблочко от яблони, – раздался еще один голос у нее над ухом.

За ее спиной Рэйчел Олбрайт сдавленно вскрикнула:

– О Господи!

Тревога в ее голосе побудила Эву остановиться и отвернуться от этой страшной картины, от Лейна, который с вызовом смотрел на шерифа, подходившего к нему. Мисс Олбрайт побелела, как простыня. Эва схватила учительницу за руку и потащила ее к тротуару, чтобы девушка, не дай Бог, не грохнулась в обморок прямо посреди улицы.

– Сядьте, – скомандовала Эва, борясь с желанием тут же бежать обратно к Лейну. – Опустите голову между колен.

– Со мной все в порядке, – пыталась протестовать девушка. – Прошу вас, идите. Вы нужны Лейну.

Она была права.

– Оставайтесь здесь. Не знаю, удастся ли нам сегодня возобновить нашу беседу, но я...

Мисс Олбрайт покачала головой, ее глаза умоляюще смотрели на Эву и были гораздо выразительнее любых слов.

– Пожалуйста, помогите Лейну. Не бросайте его тут совсем одного.

Сжав руки в кулаки, Эва повернулась кругом и поспешила туда, где сбилась в кучу толпа наблюдателей.

– Пропустите, – повторяла она, работая локтями и мысленно благодаря Бога за подготовку, которую получила в вечной толчее танцзала. Протискиваясь вперед, она расталкивала зевак плечами, чувствовала, когда в опасной близости от ее ножек оказывались чужие башмаки, и вовремя успевала отдернуть ногу.

Шериф продолжал поддерживать раненого паренька под руку и тащил обоих мальчишек на противоположную сторону улицы. Револьвер Лейна уже был у него в кобуре. Эва добралась до площадки, окруженной кольцом людей, и поспешила вслед за главными действующими лицами прямо в контору шерифа.

– Простите, мэм, но я сейчас занят и не могу вас принять. – Копна каштановых волос свешивалась на веснушчатый лоб шерифа, изрытый глубокими морщинами. Эве пришлось задрать голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Она прикинула, что в нем не меньше шести футов четырех дюймов роста. И говорил он таким низким басом, что этот голос, казалось, исходил из самого его живота.

– Простите, шериф, но это дело и меня касается, – заявила она. – До тех пор, пока оно касается Лейна.

– А вам-то что до него?

– Я – новая экономка в «Конце пути». И дядя Лейна поручил мне присматривать за ним.

Медленно, как будто выбирая породистую телку, шериф осмотрел ее от кончиков пальцев ног до пояса, потом оценивающим взглядом окинул грудь, потом добрался до того места, где заканчивалась ее шляпа, и только после этого встретил ее взгляд.

– Вы – новая экономка у Кэссиди?

В его глазах явственно читался грязный намек. Она не для того сбежала из «Дворца», чтобы дать повод к сплетням в этом захолустном городишке, и решила покончить с этим раз и навсегда.

– Именно так, шериф. Я – мисс Эва Эдуарде, родом из Пенсильвании. Я работаю у Кэссиди неделю, четыре дня из которых мистер Кэссиди отсутствовал на ранчо. Я готовлю, убираю, чиню и стираю одежду. Я также занимаюсь с его племянником после школы. А если вы еще что-то собираетесь к этому списку добавить, то извольте это сделать прямо сейчас.

– Хорошо, мэм. Думаю, мне нечего сказать, пока вы продолжаете в таком духе. Вы, похоже, устроили мне то, что в народе называется «выволочкой».

Интересно, издевается он над ней или решил таким образом загладить свою грубость, чтобы перейти к основной проблеме, каковой являлся Лейн.

– Так что здесь произошло? – Она подозревала, что ответ уже знает, но в душе все еще теплилась надежда, что она ошибается.

– Лейн открыл стрельбу на Мейн-стрит. А я не потерплю ничего такого в моем городе.

– Я знаю, что Лейн не мог этого сделать.

– Лейн Кэссиди мог. И он это сделал. По его собственному признаю.

Эва сделала шаг вперед и ждала, отказываясь верить в то, что Лейн оказался способен хладнокровно покушаться на чью-либо жизнь. Она повернулась к нему.

– Лейн?

– Чего?

Его лицо было таким угрюмым, глаза – такими безнадежно потухшими, что Эве тут же захотелось растормошить его.

– Лейн, неужели ты это сделал? Зачем?

Он втянул голову в плечи, как будто защищаясь, и стоял, переминаясь с ноги на ногу.

– А из-за чего весь сыр-бор? Я же его не убил. Раненый ковбой вырвался из руки шерифа и подскочил к Лейну.

– Да ты в стену сарая не попадешь из двустволки.

– А ну, иди сюда, сынок. – Шериф подошел и, как будто противник был всего лишь котенком, схватил его за шиворот и хорошенько встряхнул. А потом снова поставил на ноги. На сей раз на расстоянии ярда от Лейна.

– Он первый начал, – попытался оправдаться Лейн.

– Правда, сынок? – спросил шериф второго парня.

Ковбой метнул взгляд на Лейна. Лейн встретил его, но на лице никаких особо сильных эмоций не отразилось.

Наконец молодой ковбой с уже начинающим пробиваться на подбородке молодым белесым пушком дрогнул и отвел глаза.

– Правда.

– Хотел заработать себе славу, подстрелив родственника Чейза Кэссиди, так?

Эве очень хотелось разобраться, куда это клонит шериф, но она была слишком занята Лейном, чтобы тратить время и силы на что-то другое.

Шериф повернулся к Лейну.

– Так ты стрелял в целях самообороны? Лейн посмотрел шерифу прямо в глаза. Через несколько мгновений он едва уловимо кивнул.

– Я хочу, чтобы ты снял кобуру с револьвером и отдал все это своей домоправительнице, сынок.

Лейн метнул взгляд на Эву, потом опять на шерифа. Она затаила дыхание, не сомневаясь в том, что он собирается отказаться подчиниться, и уже прикидывала в уме, как она будет отчитываться перед Чейзом за сегодняшнее происшествие и как Чейз накажет Лейна.

– Отдай это мне, Лейн, – прошептала она. – И все обойдется.

Он не отвечал. И не шевелился.

– Выполняй, Кэссиди, а не то я тебя арестую, – спокойно предупредил шериф.

– А как же я? Он стрелял в меня! – взвизгнул ковбой. – Вы что, позволите ему вот так просто уйти?

– Заткнись, – бросил шериф. – Ну, Кэссиди?

Рука Лейна потянулась к пряжке ремня португепи. Он медленно расстегнул ее, снял и протянул Эве. Ее рука дрогнула, когда она принимала этот «дар», и пальцы крепко стиснули кожу ремня.

– Ступай к повозке, – скомандовала она Лейну.

Когда он ушел, у нее вырвался вздох облегчения, и она повернулась к шерифу.

– Спасибо вам. Я поставлю в известность дядю Лейна. Уверю, что он все сделает для того, чтобы подобное никогда не повторилось.

Он протянул ей револьвер Лейна и смотрел, как она засовывает его в кобуру.

– Неужели, мисс Эдуарде? Вы так уверены?

И тут она осознала, что не так уж хорошо знает Чейза Кэссиди, чтобы за что-то ручаться.

– Я приложу для этого все силы.

– Меня зовут Стюарт Маккенна. Передайте Чейзу: я сказал, что мне не хотелось бы перекидывать этого парня через седло и везти домой в виде трупа.

– Передам, – с трудом вымолвила она, готовая его задушить за эту бестактность. Не теряя больше времени, она молча повернулась и вышла из конторы.

Хорошенькой мисс Олбрайт нигде не было видно, но Лейн ждал на улице, прислонившись спиной к стене каталажки и надвинув шляпу на глаза. Эта поза была ей уже знакома. Он пытался казаться спокойным и безразличным ко всему перед небольшой кучкой зевак, глазевших на него с противоположной стороны улицы. Такое явное отсутствие следов раскаяния разозлило ее еще больше, чем неличеприятный разговор с шерифом.

– Проводи меня до повозки, гордо вскинув голову и расправив плечи, Лейн Кэссиди, или тебе придется отвечать за все передо мной и перед твоим дядей.

Она подождала, пока он подойдет, и опустила руку, чтобы попытаться спрятать кобуру в складках своей юбки. Она знала, что не слишком преуспела в этом, но теперь, по крайней мере, оружия хоть так явно не было видно.

– А теперь помоги мне сесть в повозку, – приказала она твердо, но довольно тихо, потому что это было предназначено только для ушей Лейна.

Он молча подчинился, подал ей руку и ждал, пока она заберется на сидение и расправит юбки вокруг себя. Эва высоко подняла голову и смотрела прямо перед собой, пока Лейн обходил повозку с другой стороны, влезал на козлы и брал в руки поводья. Она держала себя в руках, когда повозка тронулась с места и покатила прочь.

Она не расслабилась, не изменила позы даже тогда, когда они выехали из Последнего Шанса. Наконец, несмотря на то, что Лейн продолжал хранить молчание, снова отгородившись от всего мира, она нарушила гнетущую тишину.

– Откуда у тебя револьвер?

Он снова взмахнул поводьями.

– Это мое.

– Твой дядя знает, что он у тебя есть?

Он продолжал смотреть прямо перед собой, но втянул голову в плечи, будто пытаясь защититься. Памятуя о том, что она сама вытворяла в переходном возрасте, она понимала, что у него сейчас трудный период взросления. Он стоял на границе двух миров – уже не мальчик, еще не мужчина. Лейн был выше, чем любой его сверстник. Он брился почти каждый день, и его начавшая пробиваться борода была не просто пушком, как у других шестнадцатилетних юнцов. Большинство его сверстников в этом возрасте выглядели неуклюжими и угловатыми подростками, а его тело радовало взгляд мускулатурой и прекрасным сложением.

Эва даже помыслить боялась о том, что сделает Чейз, когда она доложит ему о последнем подвиге его племянника.

– Лейн, пожалуйста, расскажи мне обо всем. Он резко дернул поводья. Лошади остановились, – подняв клубы пыли. Лейн повернулся к ней лицом, его глаза яростно сверкали.

– Не лезьте, куда вас не просят.

– Я не могу не лезть. Чейз поручил мне следить за порядком.

– Да что вы знаете обо мне или о Чейзе? Если у вас хватит ума, вы постараетесь держаться подальше от всего этого. Не спрашивайте меня ни об оружии, ни о том, где я его взял. Это мое дело. Вот все, что вам нужно знать.

Она была готова и к более грубому отпору. Совершенно запутавшись в своих мыслях, она сидела, глядя прямо перед собой, пытаясь убедить себя, что проблемы семейства Кэссиди ее совершенно не касаются. И чего ради она так хлопочет, если совершенно очевидно, что парню не нужны ни ее дружба, ни ее поддержка.

Вдруг, вместо того, чтобы снова взять в руки поводья, он опять заговорил.

– Слушайте, Эва, извините, но такой леди, как вы, этого не понять. Так что – держитесь в стороне.

Такой леди, как вы.

Если бы ты только знал, как далек от истины. Наконец она достаточно собралась с силами, чтобы снова взглянуть ему в глаза.

– Пойми, тут дело не только в швырянии пузырьков с чернилами. Все гораздо серьезнее. Мне придется рассказать Чейзу о том, что сегодня произошло, Лейн. Если я этого не сделаю, он скоро сам обо всем узнает, а я бы не хотела, чтобы меня обвинили в том, что я что-то от него скрываю.

Она замолчала и сделала глубокий вдох.

– А я уже говорила тебе, что мне нужна эта работа.

Она обнаружила, что он пристально смотрит на нее. Она видела, как движется его кадык, когда он сглатывал.

Когда он, наконец, заговорил, ей пришлось напрячься, чтобы разобрать его слова.

– Делайте, что хотите. Он и так уже ненавидит меня.

Колесо повозки попало в колдобину на дороге, и Эве пришлось ловить шляпу, чтобы она не свалилась с головы.

– А я точно знаю, что он вовсе тебя не ненавидит.

– Я же всегда попадаю в какие-то неприятности.

– Может, ты их сам ищешь?

– Нет, это они меня находят.

Поскольку он, похоже, впал в более разговорчивое состояние, чем обычно, она решилась задать вопрос, который вертелся у нее на языке с того самого дня, когда она получила работу в «Конце пути».

– А что случилось с остальными экономками? Его пальцы замерли на поводьях, скрутив из них петли. Она так долго ждала ответа, что уже подумала было, что он проигнорировал ее вопрос, но он произнес:

– Первая решила, что вправе ударить меня, когда я ей надерзил.

– Неужели? А что твой дядя на это сказал?

– Он ничего не мог сказать. К тому времени, когда он вернулся домой, она уже уехала. – Он исподлобья смотрел на нее с самоуверенной полуулыбочкой. – Я запустил в нее стулом.

– Господи, Боже мой.

– Я не попал. Но окно в гостиной выбил.

Ей пришлось быть свидетельницей стольких пьяных потасовок, что вид стула, летящего через всю комнату, ее расстроил.

– А остальные?

– Со второй было тяжелее, поскольку она только хотела, как лучше. Но однажды вечером, когда я мылся на заднем крыльце, она, черт возьми, притащилась, чтобы проверить, вымыл ли я уши.

Эва ждала, уже предчувствуя, чем дело кончилось.

– Никто не смеет прикасаться ко мне, – заявил он, особо это подчеркнув на случай, если бы она вздумала притвориться, что не слышит, – а эта корова согнула меня в три погибели и начала мыть мне голову и шею.

– Может, она просто хорошая мать и привыкла так обращаться со своими детьми, – рассеянно пробормотала Эва.

– Я погнался за ней, как только натянул одежду. Я схватил нож для разделки мяса и приставил к ее горлу. И при этом объявил, что однажды ночью зарежу ее во сне, если она не уберется отсюда подобру-поздорову.

Украдкой взглянув на него, Эва обнаружила, что он внимательно смотрит на нее, наблюдая за реакцией. Но в финале этой истории она не видела ничего забавного, о чем и поставила его в известность.

– Лейн Кэссиди, это просто возмутительно. А что же твой дядя?

– Заставил меня безвылазно сидеть в своей комнате ровно две недели, но меня это ни капельки не задело. Я ничего не имею против одиночества. Собственно, я его предпочитаю обществу людей. – Лейн пожал плечами. – Наконец он сдался и махнул на меня рукой.

Она еще кое-что взяла себе на заметку. Почти боясь услышать окончание истории, она спросила:

– Ну, а остальные?

– Третья разозлила меня, и я собрал всю ее одежду и выкинул в загон. А та, что была прямо перед вами, черт, я всего лишь вышел из себя и начал бранить ее. Она вжалась в стену и завопила: «Не убивай меня! Не убивай меня!» Она заявила, что наслышалась обо мне в городе и что была идиоткой, когда согласилась на эту работу. Слухи обо мне бегут впереди меня.

– Нашел, чем гордиться, – отрезала она. – Твое безобразное поведение – не повод для бахвальства.

– Особенно перед домоправительницей номер пять, вы это хотите сказать?

– Я совершенно серьезно, Лейн, – поймав себя на том, что хмурится, она прижала кончики пальцев к определенным точкам между бровей и начала массировать лоб. Обдумывая все, что он ей рассказал, она поняла, каких невероятных усилий ему стоило сдерживать дикую вспышку гнева, когда она потребовала от него вымыть кухню после его вчерашней хулиганской выходки.

– Спасибо, Эва.

– За что? Я все еще намерена рассказать твоему дяде обо всем, что случилось.

– За то, что выслушали.

– Это совсем нетрудно.

– Ну, не для всех, – пробормотал он.

Они ехали через широкую пойменную долину верховьев Миссури. Она смотрела на отдаленные вершины, отливающие на фоне водной глади коричневым и пурпурным цветами. На этих бескрайних просторах не росло ничего, кроме полыни и чахлой травки. Весна как будто еще не добралась сюда. Ландшафт оставался уныло-серо-бурым.

– Твоя учительница, похоже, действительно беспокоится о тебе, – заметила она, хотя это никак не вязалось с предшествующим разговором.

Лейн чуть не выпустил вожжи из рук.

– Вы с ней встречались? Что она вам сказала? Эва пожала плечами и поудобнее устроилась на жестком сиденье.

– У нас почти не было времени на то, чтобы поговорить. Не могли же мы беседовать, когда упали на пол, услышав выстрелы?.. А потом, естественно, мы обе помчались посмотреть, что же произошло. А когда мы с тобой вышли от шерифа, она уже ушла.

Он немного расслабился, но смотрел исключительно на дорогу.

– Она в общем-то ничего. Это же не ее вина, что она работает в таком месте, от которого меня воротит.

Внимательно глядя на него, Эва спросила:

– Ты никогда не устраивал ей скандалов? Никогда не швырял в нее книгами, никогда не щипал за колени, никогда не грозился сжечь школу дотла?

Он наклонился, поставил локти на колени, так что воротник его куртки почти закрыл уши. И когда она уже решила было, что ее колкость останется без ответа, он повернулся к ней, и вид у него был одновременно сердитый и смущенный.

– Нет, ничего такого. Я уже сказал вам, что – мне мисс Рэйчел ничем не успела насолить.

– Кроме того, она хорошенькая.

– Вот уж не замечал.

– Честное слово.

Он дернул поводья и рывкнул:

– К чему это вы клоните?

– Не обращай внимания. Я, когда нервничаю, всегда много болтаю попусту. Своего рода защитная реакция. Скорее всего, я просто пытаюсь заглушить мысли о предстоящем объяснении с твоим дядей.

– Нам обоим предстоит отдуваться.

– Могу себе представить, что он будет просто взбешен. И повод для этого, согласишься, достаточный. Тебя же могли убить.

– Взбешен – это мягко сказано.

Эва знала, что он не кривит душой. Как же она боялась грядущего разговора с Чейзом Кэссиди! Но на ней лежит ответственность за все. Ей поручили присматривать за Лейном, кроме того, она пообещала шерифу полностью перед Чейзом отчитаться.

Эва вздохнула. Похоже, хлопоты, связанные с Лейном Кэссиди, стали частью ее жизни.

ГЛАВА 5

Когда Чейз вошел в дом через черный ход, там была абсолютная тишина. Он снял шляпу и повесил ее на вешалку-рога. Потом бросил седельные сумки на кухонную табуретку и направился к плите. Потрогав металлическую жаровню, он убедился, что та давно остыла. Вслед за этим пришло чувство горького разочарования.

Эва Эдуарде их покинула.

Он не был удивлен, что она сбежала, но не мог не чувствовать обиды. Вне всякого сомнения, Лейн опять отличился – сказал или сделал что-то такое, что побудило ее уехать.

А впрочем, может, дело совсем и не в Лейне.

Может быть, она ездила в Последний Шанс и там разузнала кое-что о его прошлом.

И все же в душе теплилась слабая надежда, что, может быть, еще не все потеряно. Он тешил себя мыслью, что ей вдруг понадобилось поехать куда-то с Лейном и что с минуты на минуту они вернутся домой.

Чейз окинул взглядом кухню. Если она действительно уехала, то это, похоже, произошло совсем недавно. Кругом царили чистота и порядок. Дверь, ведущая в ее комнату, была немного приоткрыта, и он почувствовал непреодолимое желание заглянуть туда.

Чейз пересек кухню и вошел в крохотную спальню. Она показалась ему невыносимо тесной. Интересно, как чувствовала себя здесь Эва, которая жила в Филадельфии в таком прекрасном доме. Он словно смотрел на все ее глазами: унылая обшарпанная комнатенка, почти все пространство занято кроватью. Тут и повернуться толком негде. Он сам ни за что в такой комнате не стал бы спать. Уж очень она напоминала тюремную камеру.

Он уже почти собрался уходить, когда краем глаза отметил какую-то малиновую вспышку, и переключил внимание на комод из трех ящичков.

Ее вещи были на месте.

На комод лежали щетка для волос с костяной ручкой, расческа и зеркальце, пожелтевшие от времени. Тут же стоял крошечный стеклянный флакончик духов. Он осторожно взял флакончик в руки, поднес его к носу и глубоко вдохнул тонкий аромат сирени. Он поставил его на корявую крышку комода и постарался придать пузырьку точно такое же положение, в котором он находился раньше.

К верхнему ящичку комода его тянуло, как магнитом. Он, как замороженный, потянулся к ручке, дернул за нее и выдвинул ящик настолько, чтобы разглядеть лоскут красного шелка, который и привлек его внимание с самого начала.

Ящик был забит пикантным кружевным бельем, забит до такой степени, что, когда ящик выдвинули, ворох кружевных финтифлюшек словно ожил и сам прыгнул в руки Чейза. Он отпрянул, будто обжегшись, а потом глянул в сторону пустой кухни. Воровато оглядевшись по сторонам, пробежал пальцами по подолу алой нижней юбочки.

Испытав при виде огненной материи настоящее потрясение, он долго пытался сообразить, как такая благовоспитанная леди, как мисс Эдуарде, может носить столь легкомысленные штучки.

Кто бы мог подумать, что под ее простенькими платьицами скрывается такое!

Чейз поднял глаза и увидел собственное отражение в зеркале над комодом. Ну и рожа сейчас у него. На нем блуждала лишь тень улыбки, но и это было ему совершенно не свойственно. Но даже мысленная картина, изображающая мисс Эву Эдуарде в алом неглиже, не могла уничтожить тени, которые залегли у него под глазами.

Он пристальнее всмотрелся в зеркало. Его глаза покраснели от дорожной пыли. Подкладка шляпы чуть не прилипла ко лбу. Он устал, как собака, был весь в грязи, да к тому же

насквозь пропитался потом. Ему отчаянно хотелось помыться, поскольку он не мог не признать, что ему хочется предстать пред очи Эвы Эдуарде чистым.

Занятый этими мыслями, он снова заглянул на кухню, чтобы вытащить из угла у черного хода деревянную бадью. Затем вышел на крыльцо. Во дворе Нед кормил животных. Кудлатый соскочил с крыльца, залаял и помчался к открытым воротам с совершенно не свойственной ему прытью. Прошло несколько секунд, прежде чем Чейз узнал Эву и Лейна, подъезжающих со стороны Последнего Шанса.

Он поставил бадью на крыльцо и, опершись о перила, наблюдал за тем, как Лейн ловко управляет повозкой, мчавшейся через широкий луг, покрытый брызгами молодой весенней травки. Повозка, силуэт которой четко вырисовывался на фоне предзакатного неба, полыхавшего всеми оттенками красного и желтого, тряслась по накатанной колее.

Повозка въехала во двор, Лейн остановился и держал вожжи до тех пор, пока Эва не спустилась вниз. Она была в том же полосатом платье, в котором он видел ее раньше. В нем она казалась совсем девочкой, веселой и беззаботной, и гораздо менее чопорной, чем в своем дорожном костюме стального оттенка. На фоне гвоздично-розового ее медно-рыжие волосы полыхали огнем.

Он быстро отметил про себя, что на ее лице нет улыбки. Можно себе представить, какой холодный прием она встретила в городе.

Лейн подогнал повозку к конюшне. Эва шагала к дому, заложив руки за спину, как вдруг подняла голову и увидела, что он наблюдает за ней. Чейз видел, как она силилась изобразить улыбку, но ясно было, что ей сейчас не до веселья. Он привалился плечом к столбику крыльца и подождал, когда она подойдет поближе, прежде чем заговорить с ней. Она остановилась на нижней ступеньке и подняла на него глаза.

Эта прелесть просто ошеломила его. Он вдруг понял, что ее образ, который неотступно преследовал его все эти дни, был гораздо бледнее оригинала. Она была смущена, ее кожа казалась прозрачной и чуть не светилась, а на скулах алели пятна румянца.

– Вы вернулись, – заключила она, пристально глядя на него.

– Как и вы. – Он едва осмелился задать вопрос, вертевшийся у него на языке. – Ездили в город?

– Мне нужно было... – начала объяснять она, но вдруг запнулась.

– Что же вам было нужно?

Ее глаза шарили по его лицу, потом она опустила взгляд, а затем снова подняла ресницы.

– Того, что мне нужно было, я не нашла. Придется на следующей неделе снова попытаться счастья. – Она даже не пыталась подняться на крыльцо и встать рядом с ним, а вместо этого смотрела на него снизу вверх, все так же держа руки за спиной. – Как прошел осмотр пастбищ?

– Отлично. – Не было никакого объяснения тому стеснению в груди, которое он испытывал. Впервые в жизни он пожалел о том, что не умеет вести светские беседы.

– Вот и хорошо, – ответила она и перевела глаза на дверь за его спиной. – Я, пожалуй, пойду и начну готовить обед.

Он кивнул.

– Как вам будет угодно.

Она поднялась по ступенькам, и, когда проходила мимо, ноздри Чейза уловили слабый аромат сирени. Чейз узнал запах – это были духи из флакончика, который он обнаружил в ее комнате.

Чейз не двигался с места. Эта его неподвижность побудила ее прошмыгнуть мимо как можно быстрее. Он закрыл глаза, чтобы насладиться ее близостью могли другие органы его чувств. Вот ее юбка задела его ногу, вот зашуршала ткань платья. Вот он вдыхает аромат сирени и чувствует трепетание волос на ветру. Все, что так не подходило к его добровольной затворнической жизни, которую он вел на ранчо.

Даже с закрытыми глазами он ощущал исходившее от нее напряжение, когда она была рядом. Чейз открыл глаза и успел заметить стальное пятно, сверкнувшее на фоне юбки. Совершенно инстинктивно он сделал рывок и схватил ее за руку. Она изворачивалась, стараясь вырваться.

– Пустите.

– Оружие?

– Я...

Он перехватил ее руку и отнял портупею и кобуру с револьвером.

– Ваш?

– Конечно, нет!

Чейз разжал руку и остолбенел, увидев цветок розы, вытисненный на коже кобуры. Его пальцы стиснули проклятую игрушку так, что костяшки побелели. В нем начал закипать гнев.

– Где вы это взяли?

– Не лучше ли будет зайти в дом и поговорить там? – Она кивнула на дверь.

Протянув свободную руку, он сомкнул пальцы на ее предплечье.

Она снова вырвалась.

– Оставьте меня, мистер Кэссиди.

Он смотрел, какие противоречивые чувства отражались на ее лице, сменяя друг друга, – смущение, страх, гнев. Его собственная ярость уже почти утихла. Но ему хотелось все равно тряхнуть ее хорошенько – чтобы заставить сказать правду.

– Откуда у вас это оружие?

– Пойдемте в дом, и я все расскажу.

Ее зеленые глаза потемнели от гнева. Лицо побледнело. Он видел, что она упрется и ничего не скажет, пока он не отпустит ее и не пойдет с ней в дом. Он обернулся через плечо. Никаких следов присутствия Лейна возле конюшни. Чейз отпустил ее и легонько подтолкнул к двери.

Войдя, Эва помедлила немного возле кухонного стола. Она почувствовала легкий укол досады из-за того, что он просто взял и отпустил ее и даже не предложил ей руку. Затем, все так же, не поднимая на него глаз, она медленно, очень обстоятельно вынула шпильки, удерживающие у нее на голове шляпку. Все ее движения были точно рассчитаны, как будто она предупреждала его: «Не тронь меня!». Она сняла забавную маленькую шляпку, украшенную длинными перьями и чучелом птички, и положила на стол рядом с собой. Потом неторопливо пробежала пальцами по локонам на висках и убрала их назад.

Чейз ждал, внутренне сжавшись, как змея перед броском. Ее глаза наконец оторвались от созерцания двери черного хода и встретили его взгляд.

– Это револьвер Лейна, – спокойно произнесла она, не вдаваясь в дальнейшие объяснения.

На него точно потолок обрушился. Этот револьвер не всегда принадлежал Лейну. Чейз чертовски хорошо знал, откуда он взялся, но сейчас его интересовало, как он попал к ней в руки и как его достал Лейн.

– Лейна.

Он произнес имя своего племянника уверенно, как бы подтверждая ее слова. Он посмотрел на кожу и холодную сталь в своих руках; мыслями он теперь был далеко, они мчались сквозь месяцы и годы, пока он не вернулся в тот день, когда однажды, возвратившись домой, обнаружил свою сестру, Салли, лежащей на полу гостиной в луже собственной крови. А чуть поодаль распласталось тело одного из напавших на нее с дыркой от пули в груди.

По крайней мере, она взяла с собой одного из этих мерзавцев.

В тот-день он впервые увидел этот револьвер и эту кобуру с тиснением в виде розы на коже. «Смит и Вессон» лежал на полу рядом с телом сестры. Лейн был тут же. Он забился в

угол рядом с органом. В свои четыре года малыш стал свидетелем нападения на свою мать и ее зверского убийства. Он мало, что мог рассказать Чейзу, только то, что на лошадях прискакали трое мужчин, потребовали еды, выпивки и еще кое-чего, что Салли не пожелала им дать.

В тот далекий день Чейз не раздумывал долго. Он похоронил Салли, собрал мальчика и отвез его на ближайшее ранчо. Оставив племянника на попечение женщины-соседки, с которой едва был знаком, он умчался прочь, горя жадной мести. Знал бы он тогда, что ему не суждено вернуться домой и увидеть Лейна целых двенадцать лет.

Для него было загадкой, как Лейн умудрился достать это оружие по прошествии стольких лет.

– Мистер Кэссиди?

Ее рука лежала на его плече. Это было робкое прикосновение, ничего общего с тем железным захватом, которым он ее держал. Чейз перевел взгляд на пальцы Эвы, недоумевая, как они там очутились.

– Чейз?

Их глаза встретились.

– С вами все в порядке?

Чейз, сделав над собой усилие, кивнул. Он едва смог сдавленно произнести:

– Как это к вам попало?

Она вздохнула и подошла к плите. Он слышал, как она что-то проворчала себе под нос, обнаружив, что огонь погас.

Она повернулась к нему и принужденно улыбнулась.

– Думаю, нам обоим сейчас нужно выпить кофе.

– Все, что мне сейчас нужно – это знать точно, что произошло.

– Точно я и сама не знаю. Я была в центральном магазине, делала покупки – да, между прочим, мне пришлось тратить собственные деньги на кое-какие продукты, потом чернила, специи и еще кое-что, о чем я вам потом расскажу. И если вы хотите компенсировать мне мои...

– Оружие, Эва.

– Я была в магазине, болтала с учительницей Лейна. Она как раз в тот момент зашла – и тут мы услышали, как на улице прогремел выстрел. Мы выбежали и увидели Лейна и другого мальчика примерно того же возраста, ну, может, на год-два постарше, точно сказать не могу, но, судя по виду, это был ковбой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.